

## О раскольникахъ г. Риги,

преимущественно въ отношеніи къ школамъ (\*).

1863.

Русскіе раскольники, имѣющіе нѣкоторое понятіе о рижской общинѣ безпоповцевъ, представляютъ себѣ эту общину идеаломъ всесторонняго благоустройства и желанной свободы.

Изъ раскольниковъ ближе всѣхъ знакомы съ рижскою общиною московскіе еодосѣвцы и безпоповцы поморскаго согласія, разсѣянные по сѣверо-

(\*) Записка эта составлена г. Лѣсковымъ, который въ 1863 году былъ посланъ министромъ народнаго просвѣщенія въ Ригу для собранія свѣдѣній о школахъ тамошнихъ раскольниковъ. Вотъ что писалъ министру народнаго просвѣщенія тамошній генералъ-губернаторъ баронъ Ливень 19 августа 1863 г. за № 3241: «Въ отвѣтъ на письмо вашего превосходительства отъ 10 прошлаго іюля за № 172, имѣю честь сообщить вамъ, милостивый государь, что я предоставилъ литератору Н. С. Лѣскову, для теоретическаго изученія раскольническихъ школъ, всѣ касающіяся этого предмета дѣла моей канцеляріи, гдѣ онъ занимался постоянно; а для того, чтобы видѣть и ознакомиться съ дѣйствительною жизнью здѣшнихъ раскольниковъ, съ внутреннимъ ихъ бытомъ, г. Лѣсковъ поселился между ними и жилъ у одного изъ нихъ. Предоставляя вамъ самимъ судить о результатѣ занятій г. Лѣскова въ Ригѣ, я скажу лишь, что вполне раздѣляю выраженное имъ, въ разговорѣ со мною и попечителемъ Рижской раскольнической богадѣльни жандармскимъ штабъ-офицеромъ Андреяновымъ, мнѣніе о необходимости элементарныхъ школъ для раскольниковъ и притомъ школъ не смѣшанныхъ съ православными. Необходимость въ школахъ для раскольниковъ я признаю не только въ видахъ личнаго образованія ихъ, цѣли самой по себѣ благотвельной, но и въ томъ убѣжденіи, что школы представляютъ одно изъ дѣйствительныхъ средствъ для столь желаемого слиянія раскола съ православіемъ».

западному краю Россіи, Литвѣ и Царству Польскомъ.

Общее желаніе раскольниковъ устроиться во всѣхъ частяхъ своего общественаго быта по рижскому образцу рождаетъ огромный интересъ къ ближайшему изученію этой общины, возбуждающей всеобщую зависть.

Эта симпатія рижскимъ порядкамъ и молва о независимости образованія раскольничьяго юношества въ г. Ригѣ побуждаютъ обратить вниманіе на рижскую общину, и поэтому нижеслѣдующія свѣдѣнія о ней будутъ, конечно, не бесполезны.

Извѣстно, что начало систематическому воспитанію малолѣтнихъ раскольниковъ въ общественныхъ школахъ положено московскимъ купцомъ Ильею Васильевичемъ Ковылинымъ въ первой четверти текущаго столѣтія. Изъ исторіи Преображенскаго кладбища въ Москвѣ мы знаемъ, что «въ одномъ изъ зданій этого кладбища было устроено Ковылинымъ училище, гдѣ мальчики съ бойкими способностями обучались чтенію и письму церковному, подъ руководствомъ наставника Осипова. Потомъ очередные наставники толковали имъ катихезисъ. Образование оканчивалось изученіемъ главныхъ пунктовъ отличія еодосіевскаго ученія отъ ученія православной церкви. Для учениковъ была открыта кладбищенская бібліотека, состоявшая изъ старопечатныхъ книгъ и раскольничьихъ сочиненій, которою они пользовались подъ руководствомъ своихъ учителей».

Люди, имѣвшіе возможность близко ознакомиться съ старыми дѣлами Преображенскаго кладбища, старались доказать, что «все образованіе кладбищенской школы было направлено къ тому, чтобы внушить дѣтямъ отвращеніе къ церкви и церковникамъ-никоніа-

намъ» (изъ исторіи Преображенскаго кладбища, листъ 44).

Принимая во вниманіе общія тенденціи раскола и исключительную политику покойнаго Ковылина, нѣтъ основаній опровергать сдѣланный выводъ о направленіи Преображенской кладбищенской школы въ самое цвѣтущее время ея существованія.

Познанія въ наукахъ и искусствахъ, выносимыя воспитанниками изъ этой школы, вообще были до крайности бѣдны. О наукахъ, способствующихъ развитію самостоятельнаго мышленія, въ ковылинской школѣ не было и поминка. Въ ней учили счисленію, но и то настолько, насколько это необходимо по соображенію русскаго лавочника. Въ искусствахъ шли тоже очень немного дальше. «Нѣкоторые изъ членовъ кладбищенской школы приобрѣтали замѣчательное искусство писать по уставному и потомъ занимались переписываніемъ богослужебныхъ книгъ, которыя по дорогой цѣнѣ продавались въ конторѣ кладбища иногороднымъ еодосіевскимъ общинамъ и зажиточнымъ еодосіевцамъ. Другіе занимались иконописнымъ искусствомъ и дѣлали копии съ древнихъ иконъ иногда такъ удачно, что самые знатоки съ трудомъ могутъ отличать копию отъ оригинала. Весьма искусно воспитанники умѣли поддѣлывать и подъ древнія рукописи, измѣняя притомъ и самый цвѣтъ бумаги и соблюдая малѣйшіе остатки древности».

Въ этомъ заключалось общественное образованіе въ большой ковылинской школѣ на Преображенскомъ кладбищѣ, и въ этомъ же оно заключалось во всѣхъ общинахъ еодосіевскаго согласія въ губерніяхъ: Ярославской, Тверской, Нижегородской, Саратовской, Новгородской, Рижской, Казанской, Симбирской, на Дону и Кубани. Словомъ, во всѣхъ

общинахъ, находившихся во время Ковылина въ зависимости отъ Преображенскаго кладбища,—и иначе это не могло бы быть потому, что всѣ эти общины получали отъ кладбища наставниковъ и покупали въ его конторѣ свои книги».

Въ такомъ положеніи раскольникья педагогія дожила до воцаренія Императора Николая, при которомъ всякое проявленіе ихъ общественности начало преслѣдоваться съ строгостью, отъ которой раскольники отвыкли во времена Екатерины II и Александра I. Суровыя мѣры, предпринимавшіяся противъ раскола въ царствованіе Павла Петровича, по кратковременности этого царствованія, не ступевали начатковъ раскольникьяго самоустройства въ Екатерининское время, но при Императорѣ Николаѣ все это пригнулось, спряталось, и къ нашимъ днямъ не осталось уже ни одной открытой раскольникьей школы, даже и общинно-хозяйственное самоуправленіе мѣстами вовсе исчезло, а мѣстами замаскировалось такъ ловко, что изученіе его представляетъ очень много трудностей для каждаго человѣка, имѣющаго хотя какое нибудь непосредственное сношеніе съ правительствомъ. Одна рижская община, благодаря своему отдаленному положенію въ остзейскомъ краѣ, и другимъ болѣе или менѣе благоприятнымъ обстоятельствамъ, сохранила до сихъ поръ свое отдѣльное хозяйственное самоуправленіе, имѣетъ благолѣпную каменную молеблю, съ четырьмя «духовными отцами», хоромъ обученныхъ крѣковому пѣнію пѣвчихъ, больницу, домомъ для призрѣнія дряхлыхъ и общественною подгородною мызою Гризенбергъ. Но открыто существовавшую до 1829 года школу рижская община утратила. Съ этого времени и она обходится только секретными школками, устроенными въ част-

ныхъ домахъ и существующими подъ великимъ страхомъ и великою данью у мѣстной полиціи.

Держась своего предмета, мы будемъ касаться прочихъ частей устройства рижской общины лишь настолько, насколько это необходимо для выясненія положенія учебнаго вопроса. Прежде всего нужно сказать нѣсколько словъ о духѣ самаго раскола въ общинахъ рижской и псковской. Это совершенно идетъ къ нашему предмету.

Тѣмъ самымъ, что раскольники Риги и Пскова со временъ Екатерины находились въ полной моральной зависимости отъ московскаго Преображенскаго кладбища, обыкновенно опредѣляютъ духъ ихъ вѣроученія. Ихъ до сихъ поръ считаютъ еедосіянскими или еедосіевцами, т. е. послѣдователями дьячка Крестецкаго яма Феодосія, отдѣлившася отъ поморскаго согласія. Секта еедосіевцевъ въ исторіи русскаго раскола важна не менѣе секты поморской, слѣдующей ученію даровитыхъ братьевъ Денисовыхъ, распространявшемуся по Россіи изъ Выгорѣцкой киновіи. Обѣ эти секты признаютъ благодать преемственнаго рукоположенія исчезнувшей, считаютъ господствующую церковь еретическою, отвергаютъ духовенство, какъ санктифированное сословіе, и слѣдовательно отвергаютъ возможность самой евхаристіи. Разница между *поморцами* и *еедосіянами* главнымъ образомъ заключается въ томъ, что *поморцы* допускаютъ бракъ, освящая его благословеніемъ родителей и отца духовнаго, и молятся за царя «нужды ради» и «страха ради Самарина», чиновника, производившаго нѣкогда слѣдствіе въ Выгорѣцкой обители. Еедосіевцы же не допускаютъ брака и не только не молятся за царя, но и молящихся за него «поморянъ» въ насмѣшку надъ ихъ трусостью передъ

Самаринимъ называютъ не «поморянами», а «самарянами». Бракъ здѣсь отвергается прямо, какъ послѣдствіе отверженія священства—«вѣнчать некому»,—говорятъ,—«да и время нето—антихристъ невидимо царствуетъ, и настали дни, въ которые не довлѣетъ ни жениться, ни посягать»; а за царя не молятся потому, что «онъ не благовѣрный», т. е. не старой, не благой вѣры; «сынъ ереси», «элинь», и наконецъ просто *такъ* не молятся, потому что не въ обычай за него молиться. Это «такъ» замѣчается и у чистыхъ вѣрно-подданныйшихъ поморцевъ, которые молятся за царствующаго государя, какъ «за власть предержашую», но за умершаго молиться не хотятъ даже страха ради самаринскаго. Это одинаково относится ко всѣмъ умершимъ государямъ: Петру I, Павлу Петровичу, Николаю и особенно уважаемымъ всѣми старообрядцами Екатериной II съ Александромъ I, которыхъ хотя они тоже не хотятъ назвать «благовѣрными», но всегда признаютъ «благочестивыми».

Судя лишь по однимъ этимъ отличіямъ ученія поморскаго отъ ученія еедосіевскаго, можно до нѣкоторой степени объяснить себѣ причины правительственнаго неблаговолія къ еедосіевцамъ; но основаній и смысла преслѣдованія скромнѣйшихъ и вѣрно-подданныйшихъ поморцевъ, обижаемыхъ властью и осмѣиваемыхъ за свое «самарянство» своими же братьями раскольниками другихъ согласій, понять невозможно. Это объясняется только развѣ крайнею неблаговосчитанностью православнаго духовенства и отсутствіемъ въ правительствѣ людей, знакомыхъ съ духомъ раскола.

Однако обѣ главныя безпоповщинскія секты: *поморцы* и *еедосіевцы*, въ теченіи двухъ вѣковъ подвергались совершенно одинакимъ преслѣдованіямъ

гражданской и духовной полици и даже можно сказать, что наивнымъ петербургскимъ поморцамъ въ предшествовавшее царствованіе часто доставалось гораздо больнѣе, чѣмъ еедосіанамъ, московскіе вожакі которыхъ отлично знали топографію домовъ нѣкоторыхъ вліятельнѣйшихъ лицъ Александровскаго и Николаевскаго времени.

Мы упоминаемъ объ этомъ для того, чтобы замѣтить несообразность огульнаго закрытія разомъ всѣхъ первоначальныхъ школъ въ общинахъ раскольниковъ разныхъ согласій. Мы не имѣемъ основанія опровергать заключеній, сдѣланныхъ о духѣ преподаванія въ школѣ Ковылина, гдѣ будто бы двумъ стамъ мальчикамъ внушалось «отвращеніе къ церкви и церковникамъ-никоніанамъ», но позволимъ себѣ однако указать на раскольникую генерацию, родившуюся при Императорѣ Николаѣ, когда уже не существовало зловредной ковылинской школы, да не было и вообще никакихъ раскольникыхъ школъ. Генерациа эта выросла въ кругломъ невѣжествѣ и воспитала въ себѣ сугубое «отвращеніе къ церкви и церковникамъ-никоніанамъ».

Зная изъ исторіи раскола нравственную связь рижскихъ раскольниковъ съ московскимъ Преображенскимъ кладбищемъ, я не могъ понять, какъ возникло у поморцевъ сочувствіе къ общинѣ, приверженной Еедосѣвщинѣ? и выѣхавъ 12-го іюля изъ Петербурга, не поѣхалъ прямо въ Ригу, а остановился сначала въ Псковѣ. Здѣсь, благодаря содѣйствію одного моего товарища, я сошелся съ купцомъ Васильемъ Николаевичемъ Хмѣлинскимъ, человекомъ весьма здравомыслящимъ, очень богатымъ, большимъ ревнителемъ раскола и, кажется, несомнѣннымъ другомъ властей, а la Ковылинъ. Этотъ Метернихъ «древняго благочестія» ни о комъ не

говорить худо, ни о православномъ архіерей, ни о властяхъ, ни о *Колоколѣ* и его редакторѣ. У него всѣ хорошіе люди, и все это выходитъ такъ ладно, что напимѣръ и власти, обруганныя въ *Колоколѣ*, какъ будто соясѣмъ правы, и *Колоколъ* какъ будто ни въ чемъ не виноватъ. Такъ и до всего. Зато г. Хмѣлинскій у всѣхъ и въ чести, и въ милости, и въ силѣ, и даже въ славѣ. У раскольниковъ онъ столпъ, за который всѣ стараются держаться и который сами всѣ подпираютъ. Отецъ его много пострадалъ за вѣру, и спокойно вынося всѣ гоненія, удержалъ своимъ примѣромъ другихъ, изнемогавшихъ подъ тяжестью правительственнаго преслѣдованія. Сынъ идетъ дорогою своего отца. Здѣсь мнѣ интересно было узнать: какой именно расколъ держится въ предѣлахъ псковскихъ и что за ученіе у рижанъ. Я, разумѣется, ждалъ встрѣтить еедосѣвцевъ. Но при всѣхъ моихъ столкновеніяхъ и новыхъ знакомствахъ съ псковскими раскольниками рабочаго класса, я не могъ добиться: какого они держатся толка? Прямо на этотъ вопросъ ни одинъ изъ людей, съ которыми я познакомился до встрѣчи съ Хмѣлинскимъ, не могъ дать мнѣ хотя мало-мальски положительнаго отвѣта. Сначала я считалъ это лукавствомъ, но потомъ убѣдился, что безграмотные раскольники, которыхъ не мало между псковичами, дѣйствительно ничего не знаютъ о своемъ вѣроученіи и ничего не могутъ сказать кромѣ какъ: «мы, батюшка, по древлему благочестію». Оставленный въ одной простой, весьма многочисленной раскольникней семьѣ съ одними женщинами разныхъ возрастовъ, я изъ разговоровъ съ ними убѣдился, что имѣю дѣло и не съ чистыми поморцами и не съ еедосѣвцами. Изъ всего мною слышаннаго отъ женщинъ выходило что-то странное,

новое и непонятное: не то еедосѣвщина, не то поморство. Въ Хмѣлинскомъ я уже встрѣтилъ человѣка способнаго и, кажется, желавшаго не только отвѣчать на всѣ вопросы, но даже и спорить, и совѣщаться. Благодаря ему, для меня стали ясны многія прежде непонятныя стороны симпатіи поморянъ учрежденіямъ рижской общины. Оказалось, что самые псковичи и рижане давно уже капитально разошлись съ московскими еедосѣвцами и сблизились съ поморствомъ. Сближеніе это у псковичей послѣдовало гораздо рѣзче чѣмъ у рижанъ, хотя и рижане уже называютъ себя «православными» или «старовѣрами еедосіевско-поморскаго соглашения». Но въ толкованіи рижанъ есть еще остатки еедосіевскихъ воззрѣній на бракъ, тогда какъ у псковичей взглядъ на бракъ выработался гораздо чище, чѣмъ у самихъ поморцевъ. Послѣднее обстоятельство зависѣло отъ быстрого распространения здѣсь ученія, приходившаго сюда изъ Пруссіи инока Павла, противъ котораго подъ носомъ у московской полиціи въ третьемъ году собирався въ Москвѣ въ домѣ купца Морозова раскольничій соборъ. На этомъ соборѣ эмигрантъ Павелъ велъ жаркіе теологическіе споры съ королевцами (раскольниками, принимающими священство) и препирался о бракахъ съ еедосѣвцами. По увѣренію однихъ—онъ защищался слабо, по словамъ же другихъ—блестательно доказалъ чистоту своего ученія. Но какъ бы тамъ ни было, секретный соборъ, собиравшійся на Павла, не только не уронилъ его значенія, но даже содѣйствовалъ быстрѣйшему его успѣху въ общинахъ многихъ поморянъ и еедосѣвцевъ. Еедосѣвцы, убѣждаясь ученіемъ Павла, во многихъ мѣстахъ начали признавать брачную жизнь нравственною и слѣдовательно такимъ образомъ

возвратились въ лоно того же чистаго поморства, отъ котораго ихъ оторвала распря дьячка Θεодосія. Рижане же, до которыхъ дошло павловское ученіе, остаются при прежней смѣшанности еедосѣвскихъ и поморскихъ понятій о бракѣ. Они допускаютъ бракъ «по слабости человѣческой», и актъ обрученія у нихъ совершается въ моленной при участіи духовнаго отца; но женатый человѣкъ и замужняя женщина, со дня своего брака, теряютъ право молиться со всѣми вмѣстѣ: не могутъ стоять на клиросѣ и вообще, какъ бы пребываютъ подъ вѣчною эпитимією, что по толкованію чистыхъ еедосѣвцевъ и поморцевъ равно отлученію отъ церкви. А подъ старость нѣкоторые изъ нихъ нерѣдко заявляютъ намѣреніе перейти «въ дѣвство», т. е. мужъ съ женою прекращаютъ всякія супружескія сношенія и даже иногда расходятся жить въ разные дома. Всего чаще въ такихъ случаяхъ мужъ поселяется въ богадельнѣ, а жена остается дома. Это единственный остатокъ еедосіевскаго духа въ рижанахъ. Неразлучнымъ спутникомъ еедосѣвскаго духа идетъ и своя доля еедосѣвскаго лицемерія. Такъ напр. *дѣвственникъ*, отправляясь въ субботу въ баню, заходитъ къ женѣ «за вѣникомъ» и остается съ нею наединѣ сколько ему угодно, занимаясь чѣмъ угодно имъ обомъ. Надъ этимъ смѣются вообще всѣ поморцы, и особенно поморцы, наученные Павломъ, поборникомъ чистѣйшаго брака и вообще чрезвычайно нравственнымъ проповѣдникомъ. Но ужъ гдѣ есть еедосѣвская мысль, тамъ всегда есть и всякія ухищренія, оправдывающія или по крайней мѣрѣ покрывающія «свободу восхожденія женъ на ложе мужское». Слѣдовъ же какого бы то ни было тайнаго вреднаго ученія я не замѣтилъ въ Псковѣ и зналъ хорошо, какого сорта

люди будутъ мои новыми знакомыми въ Ригѣ.

Затѣмъ стояло на очереди дѣло о школахъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ Псковѣ есть секретныя школы, но мнѣ ихъ не удалось видѣть, по причинѣ неожиданнаго отъѣзда Хмѣлинскаго въ Петербургъ. Къ тому же необходимость разспросовъ о самомъ духѣ псковскаго и рижскаго раскола, можетъ быть, нѣсколько вредила мнѣ въ мнѣніи самого Хмѣлинскаго, хотя онъ, кажется, совершенно мнѣ вѣрилъ, водилъ въ свою домашнюю молельню, принималъ безцермоннымъ гостемъ и подарилъ два томика сочиненій Павла. Эти двѣ книжки, напечатанныя въ Пруссіи и привезенныя контрабандою въ Россію, были для меня дорогимъ приобретеніемъ. Онѣ дали мнѣ возможность близко познакомиться съ замѣчательною личностью Павла и духомъ его ученія.

Открыто существующихъ школъ въ Псковѣ было двѣ: одна, весьма значительная, въ домѣ купца Пыляева, а другая—неподалеку отъ бывшей на берегу рѣки Псковы молельной, обращенной впоследствии подъ солдатскую музыкантскую школу; но оба эти училища, около 20 лѣтъ назадъ, по распоряженію правительства закрыты, или, какъ выражаются псковичи: «разорены властью сильныхъ и безбожныхъ». О преподаваніи, бывшемъ въ этихъ школахъ, прямымъ путемъ узнать было ничего не возможно. Говорятъ одно, что «учили азбучкѣ, цыфирю», ариметикѣ, часослову, пѣть по полямъ (по солямъ), да и только. Два, три человека, съ которыми я сошелся довольно близко, тоже ничего болѣе подробнаго мнѣ не сообщили. Оставалось одно средство: сходиться съ составившимися учениками уничтоженныхъ правительствомъ школъ и съ женщинами и «мастерами», т. е. учительницами. Въ

этомъ мнѣ вполне посчастливилось. Но ни изъ самаго близкаго и самаго безцермоннаго знакомства съ бывшими учениками уничтоженныхъ школъ, ни изъ книгъ, по которымъ учились молодые женщины теперешняго поколѣнія, я не видѣлъ, чтобы въ псковскихъ школахъ все образованіе было направлено къ тому, чтобы внушить дѣтямъ «отвращеніе къ церкви и церковникамъ-никоніанамъ». «Отвращеніе къ церкви и церковникамъ-никоніанамъ» существуетъ у псковскихъ раскольниковъ въ той самой мѣрѣ, въ какой эти чувства питаютъ всѣ безпоповщинскіе старовѣры поморскаго согласія; но это отвращеніе въ молодыхъ сердцахъ воспитывается вовсе не въ школахъ, а въ самой жизни. Не смотря на то, что здѣсь, какъ и вездѣ у раскольниковъ, при обученіи дѣтей употребляются учебники неодобренныя правительствомъ, въ этихъ учебникахъ нѣтъ ничего возбуждающаго непріязненныя чувства къ господствующей церкви. Это—буквари секретной печати (издаваемые въ Польшѣ, Познани и въ какой то казенной или скорѣе можетъ быть въ синодской типографіи, не то въ Москвѣ, не то въ Петербургѣ), старые часословы и старопечатныя псалтыри. Буквари секретной печати почти сходны во всемъ съ букварями, издаваемыми по распоряженію Синода для обученія грамотѣ дѣтей раскольниковъ, приписанныхъ къ единовѣрческимъ церквамъ. Даже нѣкоторые учатъ дѣтей и по букварямъ единовѣрческимъ. Что же касается до псалтырей и часослововъ, то, разумѣется, они отличаются отъ употребляемыхъ въ господствующей церкви только нѣсколько большимъ несовершенствомъ перевода и тяжестью языка до-никоновскаго времени. Никакихъ полемическихъ выходовъ, никакого задора, порицанія и глумленія противъ

господствующей церкви тамъ нѣтъ, да и быть-то не можетъ. «Отвращеніе къ церкви и церковникамъ-никоніанамъ внушается раскольничьимъ дѣтямъ прежде всего дома, матерями, да бабушками, рѣже отцами родными и еще рѣже отцами духовными («батьками»). Потомъ, смутно понимаемая ребенкомъ разница «древляго благочестія» отъ «новой вѣры», сознается имъ яснѣе при видѣ стѣсненій и гоненій, воздвигаемаго никоніанами противъ «древляго благочестія». И затѣмъ уже сильное чувство безсильной ненависти воспитывается многочисленными сочиненіями по исторіи преслѣдованій, предпринятыхъ въ теченіи двухъ-сотъ лѣтъ для подавленія невиннаго фанатическаго заблужденія. Этихъ сочиненій, и печатныхъ, и писанныхъ уставомъ и полууставомъ (въ чемъ искусны не одни ученики ковыллинской школы), весьма много, и они-то доканчиваютъ дѣло русско-христіанскаго разъединенія. Школы здѣсь ровно не при чемъ. Весь процессъ систематическаго озлобленія раскольничьяго юношества начинается *до школы* и оканчивается *за нею*. А чему учать въ школахъ. то, снова повторяю, нимало не способно «внушать отвращеніе къ церкви и церковникамъ-никоніанамъ», да и ни книгъ такихъ, по дороговизнѣ ихъ, въ школахъ нѣтъ, и учителя, выбираемые изъ «простецовъ» и людей самыхъ плохенькихъ, слишкомъ слабы, чтобы заниматься такой пропагандой. Кромѣ букваря, часовника и псалтыря, началъ счисленія, крѣковаго пѣнія и письма уставомъ, ничему не учили въ уничтоженныхъ правительствомъ псковскихъ школахъ и ничему не учать у нынѣшнихъ «мастеровъ» и «мастерицъ». Псковскіе раскольники очень сильно мечтаютъ о разрѣшеніи имъ учредить для своихъ дѣтей отдѣльную школу, но у нихъ нѣтъ

опредѣленнаго представленія о томъ: какъ учредить эту школу и чему въ ней обучать. При всѣхъ условіяхъ поставить псковскаго поморца въ необходимость дать болѣе или менѣе ясный отвѣтъ о его соображеніяхъ насчетъ школы, можно добиться только одного, что школа должна быть отдѣльная, что раскольники не могутъ позволить своимъ дѣтямъ мѣшаться съ «нововѣрами» и что ихъ дѣтей нужно учить непременно по старымъ книгамъ. А учить «по старымъ книгамъ», какъ я уже сказалъ, это значить учить букварю, псалтырю да часовнику. Раскольники вообще очень любятъ вздыхать и плакаться на свое невѣжество, ставя его, разумѣется, въ прямую вину правительству и духовенству господствующей церкви; но въ сущности и у нихъ самихъ-то не замѣчается ревности къ образованію своихъ дѣтей. «Всему надобно, говорятъ, учить понемножку; много намъ не требуется по нашему сословію, а понемножку бы слѣдовало». Живая русская сметка вслухъ подсказываетъ хранителю «древляго благочестія», что непроглядная тѣма фанатическаго заблужденія и нелѣпаго буквовѣдства не выдержитъ животворящихъ лучей просвѣщенія. Раскольники страшно боятся этого свѣта. Онъ желаетъ выбрать изъ массы научныхъ знаній для своего юношества исключительно лишь тѣ, которыя бы дали молодому раскольничьему поколѣнію средства быть поспособнѣе къ ловкому обдѣлыванію дѣлъ съ людьми современнаго развитія; но самаго человѣческаго развитія раскольники ужасаются болѣе страшнаго суда и даже болѣе потери полтинныхъ барышей на рубль, дающихъ средства покупать продажную совѣсть «случайнаго человѣка». Можно утвердительно сказать, что если дѣло школъ предоставить самому «древлему

благочестію», безъ педагогической инициативы министерства народнаго просвѣщенія, то въ этихъ школахъ будутъ учить только тому же букварю, часовнику и псалтырю, да развѣ прибавятъ малую часть ариметики, такъ какъ это нужно по торговой части, и еще, пожалуй, поучатъ нѣмецкому языку, потому что онъ также нуженъ по торговой части. Но ни географіи, ни исторіи, ни, Боже упаси, физикѣ и другимъ естественнымъ наукамъ ни за что учить не вздумаютъ, такъ какъ все это, по ихъ мнѣнію, вовсе не нужно. Да, не говоря объ этихъ наукахъ, даже всѣ мои усилія доказать необходимость изученія ребенкомъ библейской исторіи прежде скучнаго часовника и вдохновенныхъ, но непонятныхъ ребенку поэтическихъ воздыханій Давида обыкновенно оставались безуспѣшными. У нихъ есть несчастный, чисто католическій, взглядъ, что «рабу» вовсе не нужно знать евангелія и даже «не достоинъ чести его въ домъ», а ему слѣдуетъ только молиться, и поэтому часовникъ съ псалтыремъ нужнѣе всего.

Въ Псковѣ есть одинъ духовный отецъ («батка»), живущій подъ секретомъ и служащій, какъ мнѣ кажется, въ небольшой, но прекрасной домовой молебнѣ Хмѣлинскаго, ибо общественная молебня тоже правительствомъ уничтожена. Я не могъ побесѣдовать съ этимъ отцомъ, потому что его не было въ городѣ. Въ средѣ же его паствы (не говоря о Хмѣлинскомъ) я встрѣтилъ невѣжество поражающее, становящее втупикъ и преисполняющее глубокаго сожалѣнія къ этимъ людямъ, бродящимъ съ непроницаемой повязкою на глазахъ. Ни исторіи ветхаго завѣта, ни новозавѣтныхъ событій, ни исторіи собственнаго раскола и разницы его съ другими вѣтвями старовѣрства почти никто не знаетъ. «Мы

по старому», да и все тутъ. Вотъ образчикъ до чего простирается здѣсь раскольничье невѣжество: мнѣ удалось сойтись съ однимъ здѣшнимъ умникомъ, начетчикомъ, человекомъ лѣтъ 40 или 45. Съ перваго взгляда мнѣ показалось, что я имѣю дѣло съ узколобымъ фанатикомъ, зачитавшимся, такъ называемымъ древлемъ благочестія, «толстыхъ книгъ». Умникъ тотчасъ началъ вызывать меня на рѣшеніе теологическихъ вопросовъ, разумѣется, давно рѣшенныхъ имъ по его «толстымъ книгамъ», и срѣзалъ меня. Говорили мы о Никонѣ, о сугубой аллилуйѣ, о имени Иисусовомъ—во всемъ я оказался свѣдущимъ. «Ну да, говоритъ мой искушатель, а что, какъ вы о мірскомъ имени Христовомъ разумѣете?» Послѣ моихъ усилій разяснить себѣ предложенный вопросъ, оказалось, что у Христа есть еще какое то *мірское* имя. Я говорю: *Иисусъ*.—Ну это одно. *Христосъ*.—И это такъ; а еще? *Еммануилъ*, еже есть сказуемое съ нами Богъ, говорю я.—Нѣтъ мірское-то. мірское?—добивается мой умникъ. Ничего я не могъ придумать и, сознавая свою несостоятельность, просилъ открыть мнѣ это *мірское* имя Иисуса Христа. Оказалось, что по свѣдѣніямъ моего экзаменатора Христа звали еще «Яковомъ». Отчего же это? Гдѣ на это указаніе? Дѣло очень просто. Въ тропарѣ поется, «яко бо прославился», изъ этого сдѣлано «Яковомъ прославился». Впоследствии я слышалъ это сказаніе еще отъ двухъ крестьянъ, изъ которыхъ одинъ былъ прядильщикъ изъ Орловской губерніи. Къ довершенію должно сказать, что, со времени уничтоженія школъ, въ средѣ псковскихъ раскольниковъ завелось много безграмотныхъ и, если бы здѣсь не Павелъ съ своимъ апостоломъ Хмѣлинскимъ, то псковская община, кажется, давно была бы спо-

собна выкинуть такую же штуку, какую отлили тысячи пермских поморцевъ, обращенныхъ одной бабой изъ брачащагося поморства въ безбрачную еедосѣвшину. Продажность и неспособность полици, благодаря которымъ умный инокъ Павелъ можетъ навѣщать покинутое отечество, произвели противное. Въ Псковѣ брачатся, молятся за царя и даже неліцемѣрно его любятъ, говорятъ о немъ со слезами, но ждуть отъ него очень многого и прежде всего полной свободы совѣсти, моленъ, школь и прочаго.

О предметахъ преподаванія, какъ я уже сказалъ, мнѣ было нечего говорить и я сталъ заводить рѣчь объ учителяхъ. На этотъ предметъ у раскольниковъ взглядъ очень важенъ, и они здѣсь показали себя людьми довольно стговорчивыми. Прежде всего имъ разумѣется, желательно имѣть въ *своей* начальной школѣ *своего* (т. е. раскольника же) и учителя. Но рядомъ систематически приведенныхъ доказательствъ, что у нихъ нѣтъ людей, способныхъ выдержать экзаменъ хотя бы на званіе приходскаго учителя, а безъ экзамена учителя нельзя допустить, мнѣ удалось вызвать ихъ на раздумье. Конечно, прежде всего вышло, что это не ихъ вина, что «это все власть надѣлала», но когда я, устраняя причины, ставилъ только фактъ, существованіе котораго измѣнить уже нельзя и съ которымъ однако надо что нибудь подѣлать, то высказалось такое мнѣніе: «учителя мжно принять и православнаго, лишь бы по нашему выбору, а попа чтобъ духу не было».

Такъ какъ это мнѣніе сильно поддерживаетъ Хмѣлинскій, то я не сомнѣваюсь, что этого же мнѣнія будутъ держаться вся псковская и всѣ окрестныя общины, и будутъ они этого держаться съ тою же настойчивостью, съ

какою они при отцѣ своего патрона держались вѣры, которую въ то время мучали. О соединенныхъ же школахъ вмѣстѣ съ православными здѣсь и слышать не хотятъ и наотрѣзъ говорятъ, что «дѣтей не пустимъ». По моему мнѣнію, о такихъ школахъ нечего даже и думать. Это будетъ новая прибавка къ длинному ряду печальныхъ полумѣръ, раздражающихъ народные инстинкты и возбуждающихъ ропотъ и неудовольствіе въ людяхъ, преданныхъ правительству и ожидающихъ отъ него великія и богатая милости. Впослѣдствіи я еще болѣе убѣдился въ этомъ не только изъ столкновеній съ раскольниками, но и изъ разговоровъ съ генераломъ Ливеномъ и жандармскимъ полковникомъ Андреяновымъ.

Этимъ оканчиваются мои развѣдки въ Псковѣ, который я, по счастливой догадкѣ, сдѣлалъ преддверіемъ моего вступленія въ нѣмецкій городъ русскаго царства.

Раскольники считаютъ въ Ригѣ около десяти тысячъ безпоповцевъ поморскаго согласія. Это единственный остатокъ повсюду срытаго и запаханнаго старовѣрскаго общинно-хозяйственнаго управленія. Рижскій штабъ-офицеръ корпуса жандармовъ, между прочимъ, объясняетъ крѣпость здѣшнихъ общинныхъ учрежденій тѣмъ, что въ Лифляндіи со стороны гражданскаго начальства не было заявлено особенно ревностнаго содѣйствія духовенству къ искорененію раскола. «Эта мѣра», говоритъ полковникъ Андреяновъ о взаимодѣйствіи свѣтской и духовной властей по преслѣдованію раскола въ Лифляндіи, «менѣе чѣмъ гдѣ либо достигается, ибо представители власти повсюду неправославные, не питающіе никакого сочувствія къ православію, напротивъ, *сострадающіе по принципу въротерпимости лютеранской церкви* расколь-

никамъ, людямъ промышленнымъ, трудолюбивымъ и воздержнымъ».

Я не имѣю довольно дерзости, чтобы сомнѣваться въ основательности соображеній, изложенныхъ рижскимъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ, но не могу не указать на раскольниковъ г. Дерпта. Они живутъ среди того же самага, вѣротерпимаго и сострадающаго угнетаемымъ за вѣру людямъ, лютеранизма, среди котораго живутъ и рижскіе раскольники, но давно утратили самостоятельность, и понинѣ чудеснымъ образомъ сохраненную рижанами. Конечно лютеранское равнодушіе къ доходамъ приходскаго духовенства, конститоріи- и архіерейскихъ конторъ господствующей церкви, значить, очень не мало, но однимъ лютеранскимъ индеферентизмомъ и вѣротерпимостью врядъ ли можно объяснить сверхъестественное сохраненіе рижскою общиною всѣхъ принадлежащихъ ей нынѣ правъ и всѣхъ ея учрежденій.

Благодаря тому, что въ настоящемъ случаѣ нѣтъ надобности выяснять и доказывать всѣ соображенія на счетъ чуда, представляющагося нашимъ глазамъ въ видѣ рижской раскольниковей общины, я только считаю нужнымъ упомянуть еще, что въ этой общинѣ есть довольно свободное и весьма нелѣпое хозяйственное управленіе, свой независимый отъ правительственнаго контроля капиталъ, растрачиваемый нерѣдко весьма глупо и гнусно, по произволу выборнаго попечителя, распоряжающагося этимъ капиталомъ съ патриархальнымъ деспотизмомъ, разное недвижимое имущество, представляющее живой образецъ страшнѣйшей безалаберности русскаго общинно-хозяйственнаго управленія, четыре отца, около тридцати человѣкъ пѣвчихъ, множество всякаго «Божьяго благословенія» и содомская бездна содомской мерзости,

дьявольскаго безстудія и человѣческаго нечестія. Засимъ, нимало не распротраняясь, какъ орудуешь всѣмъ этимъ рижская община, возвращаюсь къ школамъ.

Той школы, которой такъ завидуютъ петербургскіе поморцы и съ которою я долженъ былъ знакомиться въ Ригѣ, здѣсь вовсе нѣтъ, да нѣтъ здѣсь вообще и никакой школы. дозволенной правительствомъ. Смотря на эту большую и сильную десяти-тысячную общину, съ официальной точки зрѣнія, выходитъ, что у нея съ 1829-го года не было никакого общественнаго ученія, ибо съ этого года и школа, существовавшая при Гребенщиковскомъ заведеніи, и частная школа Дмитрія Трофимова Желтова закрыты, а вмѣстѣ съ тѣмъ и строго запрещено кому бы то ни было заниматься обученіемъ раскольниковыхъ дѣтей въ отдѣльномъ помѣщеніи. Съ тѣхъ поръ правительство было успокоиваемо, что тринадцать тысячъ его русскихъ подданныхъ, поселенныхъ между нѣмцами, не имѣютъ ни одной русской школы и коснѣютъ въ чудовищномъ невѣжествѣ въ срамъ и поношеніе русскаго имени. Во все время управленія остзейскимъ краемъ князя Суворова, въ Ригѣ не было ни одной раскольниковей школы, а въ смѣшанныхъ школахъ старовѣры не посылали своихъ дѣтей и учили ихъ кое-какъ, по два, по три. Въ существѣ расколъ отъ этого ничего не потерялъ, потому что дѣти болѣе или менѣе состоятельныхъ родителей въ это время выучивались тому же самому, чему учили въ Гребенщиковской школѣ; но кромѣ того въ это же время молодые раскольники приняла двойную дозу снадобій, возбуждавшихъ ненависть къ притѣсняющему ихъ правительству и презрѣніе къ усерднымъ исполнителямъ его суровыхъ велѣній. Бѣдность же, которую въ преж-

нее время, по мѣстному выраженію, «подбирали съ улицъ» въ Гребенщиковскую школу» и которую забиралъ простосердечный, честный и нынче въ самой даже Ригѣ всѣми позабытый Дмитрій Желтовъ, осталась на улицахъ русскаго предмѣстья, рассыпалась по рвамъ, мостамъ, кабакамъ и публичнымъ домамъ. Современо съ закрытіемъ Гребенщиковской школы въ «винкерахъ» русскаго форштата двѣнадцатилѣтнія и даже десятилѣтнія русскія дѣвочки начинаютъ во весь развалъ заниматься проституціею; проѣздъ по форштату затрудняется массою ворующихъ мальчиковъ; дѣти устраиваютъ воровскія артели; полиція, подъ предводительствомъ полицмейстера Грина, на нихъ нѣсколько разъ охотится; дѣтей ловятъ, и они поступаютъ подъ опеку правительства, по распоряженію котораго ихъ записывали въ кантонисты; а въ канцеляріи генераль-губернатора растетъ толстое «дѣло, по предположенію объ уничтоженіи въ Ригѣ празднотства малолѣтнихъ дѣтей, именуемыхъ *карманщиками*». (Началось 11 іюля 1849 года и окончено 23 августа 1857 года. по описи № 151-й). Наконецъ, голодные и безпріютные мальчики начинаютъ заниматься торговлей, неслыханной въ русскомъ народѣ: является педерастія. Когда я сказалъ, что русское предмѣстіе Риги полно содомской мерзости, я не былъ ни подъ какимъ увлеченіемъ, и теперь, говоря, что вся эта мерзость находится въ непосредственной связи съ закрытіемъ школъ, въ которыхъ учились раскольники. я говорю только правду. Если же я сколько нибудь ошибаюсь въ этомъ, то ужъ ни на волосъ не ошибаюсь въ томъ, что при открыто-существующихъ школахъ рижцы не находили бы нынѣшняго самоуслажденія показывать пьяное молодое поколѣніе

«древняго благочестія». въ десятилѣтнемъ возрастѣ развращенное до конца ногтей и до ранъ первичнаго сифилиса. По крайней мѣрѣ тогда нельзя было бы, указывая на безвременное растлѣніе и погибель дѣтей, приговаривать: «вотъ до чего насъ довело правительство!» а продолженіе Иродовой работы по избіенію пришлось бы частію брать и на себя, на совѣсть пресловутаго общественнаго попеченія.

Излагаемъ за симъ, что намъ стало извѣстно изъ дѣлъ генераль-губернаторскаго архива и изъ рассказовъ рижскихъ старожиловъ объ уничтоженной правительствомъ школѣ при Гребенщиковскомъ заведеніи.

Раскольничья школа существовала въ Ригѣ при такъ называемомъ Гребенщиковскомъ заведеніи, гдѣ она помѣщалась вмѣстѣ съ больницею, пріютомъ для требующихъ общественнаго призрѣнія, большою моленною, пѣвческою и кельями духовныхъ отцовъ. Заведеніе это въ то время состояло въ вѣдомствѣ Рижскаго приказа общественнаго призрѣнія; школа на общихъ основаніяхъ подчинялась надзору мѣстнаго директора училищъ, а учителемъ въ ней былъ шкловскій мѣщанинъ Емельяновъ, обучавшій дѣтей чтенію, письму и арифметикѣ.

Изъ представленія рижскаго гражданскаго губернатора г. Егора фонъ-Фелькерзама генераль-губернатору барону Палену отъ 15-го августа 1830 г за № 72-мъ видно, что мѣщанинъ Дорофей Дмитріевъ Емельяновъ имѣлъ отъ губернскаго директора училищъ свидѣтельство, выданное 28 сентября 1828 года за № 649-мъ, на право преподаванія въ начальной школѣ»

Правительство не обращало на эту школу никакого вниманія со дня ея основанія, почти современнаго основанію самаго Гребенщиковскаго заведе-

нія, до 1830 года. и исторія школы во весь этотъ спокойный періодъ вовсе не занимательна. Наибольшій интересъ она представляетъ не какъ педагогическое учрежденіе, а какъ пріютъ, въ который «подбирали съ улицъ» бѣдныхъ дѣтей. Въ ней учили чтенію, письму да ариметикѣ и потомъ обученныхъ всему этому мальчиковъ пристраивали въ лавки къ торговцамъ, или въ ученики къ ремесленникамъ, а изъ голосистыхъ формировали хоръ для молитвеннаго пѣнія. Изъ разговоровъ съ бывшими учениками Гребенщиковской школы. изъ которыхъ иные уже оставили расколъ, я убѣдился, что въ этой школѣ, а равно и въ школѣ Желтова, была та же программа, что и въ псковской школѣ. Умнѣйшіе изъ раскольниковъ, способные мало-мальски оцѣнить достоинства этихъ школъ, не выражаютъ никакого сочувствія ни къ ихъ курсамъ, ни къ методамъ преподаванія. Но и они сѣтуютъ о ней, какъ объ учрежденіи, чрезъ которое нынѣ погибающіе «карманщики» все-таки могли дѣлаться людьми, способными зарабатывать кусокъ хлѣба простымъ, мало-благодарнымъ и очень тяжелымъ, но честнымъ трудомъ. О какой нибудь политической пропагандѣ или о стремленіи внушить ребенку въ школѣ ненависть къ господствующей церкви, какъ было будто у Ковылина, здѣсь и не помышляли, а учили своимъ «оксіямъ» да «оваріямъ», пока сами не получили послѣдней конечной аваріи.

Какъ и съ какого повода въ Петербургѣ вспомнили о рижской Гребенщиковской раскольничьей школѣ, я не могъ добиться въ дѣлахъ рижскаго генераль-губернаторскаго архива. Старикъ П. А. Пименовъ, служащій нынче попечителемъ, говорилъ мнѣ, что обществу вздумалось, будто-бы, попросить правительство не то о субсидіи для школы,

не то о расширеніи ея программы. и эта-то просьба и была причиною гибели школы. Въ какой степени это вѣрно—отвѣчать не могу, но какъ бы тамъ ни было, а изъ дѣлъ архива видно, что Лифляндскій, Эстляндскій и Курляндскій генераль-губернаторъ и попечитель Дерптскаго учебнаго округа, баронъ фонъ-деръ Паленъ, въ августѣ 1830 г. нашелъ себя обязаннымъ «довести до Высочайшаго свѣдѣнія: съ чьего дозволенія заводить школы совѣтъ рижскаго старообрядческаго общества? Какіе учителя находятся въ означенныхъ школахъ? и имѣютъ ли они законное на то право».

Баронъ Паленъ, будучи попечителемъ учебнаго округа. въ которомъ находилась школа, нашелъ сообразнымъ затребовать нужныя ему о ней свѣдѣнія отъ рижскаго гражданскаго губернатора Егора фонъ-Фелькерзама. Г. фонъ-Фелькерзамъ, хотя и не обязанъ былъ вѣдать дѣла школы ближе попечителя, отпрапортовалъ ему однако (15-го августа 1830 г. № 72), что «совѣтъ Рижскаго старообрядческаго общества нынѣ вновь никакихъ школъ не заводить, а содержать школу при молельнѣ и богадѣльнѣ своей съ самаго основанія послѣднихъ, въ которой воспитаніемъ дѣтей руководствуется назначеніями, изображенными въ правилахъ 20 февраля 1827 г. предмѣстникомъ барона Палена для управленія богадѣльни, больницы, сиротскаго отдѣленія и школы Рижскаго старообрядческаго общества. гл. 12. ст. 22, § 114—125 о сиротахъ, новорожденныхъ и подкидышахъ и гл. 13, ст. 23, § 125—140 объ обязанностяхъ учителя, съ которыхъ (очевидно не съ обязанностей, а съ правилъ) выписка представляется».

Вотъ выписка изъ этого интереснѣйшаго и рѣдкаго документа:

## ВЫПИСКА

изъ правилъ на управленіе богадѣльни, больницы, сиротскаго отдѣленія и школы Рижскаго старообрядческаго общества, утвержденныхъ 20-го февраля 1827 года.

### ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

#### Статья 22.

О сиротахъ, подкидышахъ и новорожденныхъ.

#### § 114.

Принимаемыхъ въ богадѣльню воспитанниковъ до 8-ми лѣтняго возраста распредѣлять между богадѣленными женскаго пола, наиболѣе здоровыми и хорошаго поведенія. внушая имъ за ними имѣть бдительное смотрѣніе, радѣя объ нихъ, какъ то родители о своихъ собственныхъ дѣтяхъ, учинить обязаны со всею осторожностію и челоувѣколюбіемъ. О таковыхъ принимаемыхъ воспитанникахъ равнымъ образомъ объявлять каждый разъ полиціи и сверхъ того вести объ нихъ съ большею точностію книгу, замѣчая въ оной, какого именно они вѣроисповѣданія.

#### § 115.

Новорожденныхъ, отъ женщинъ принимаемыхъ въ богадѣльню беременными, оставлять при матеряхъ. Какъ о семъ, такъ и вообще о принимаемыхъ новорожденныхъ не токмо вести особой списокъ, но и объявлять полиціи, съ показаніемъ какой религіи ихъ родители, если оны извѣстны».

#### § 116.

«По старовѣрскому обряду можно воспитывать такихъ только дѣтей, коихъ родители принадлежали къ старой вѣрѣ; всѣхъ же прочихъ дѣтей по тѣмъ религіямъ, въ коихъ состояли родители ихъ. Если же о родителяхъ будетъ неизвѣстно, въ такомъ случаѣ младенцевъ крестить и воспитать по обряду Грекороссійской церкви».

#### § 117.

Если разрѣшившаяся отъ бремени женщина тотчасъ послѣ родовъ желаетъ оставить богадѣльню, то обязана новорожденное дитя свое взять съ собою; если жъ желаетъ остаться въ богадѣльнѣ на время и до отнятія дитяти отъ груди, то сіе позволять ей можно; но по прошествіи таковаго времени и если она здорова, то должна по крайней мѣрѣ сама выходить изъ богадѣльни для снискиванія себѣ пропитанія своими трудами, а малолѣтнее дитя, буде брать съ собою не желаетъ, воспитать въ богадѣльнѣ и отдавать на попеченіе одной изъ богадѣленныхъ наиболѣе здоровой и хорошаго поведенія».

#### § 118.

«Всѣхъ сихъ сиротъ снабжать отъ богадѣльни всѣми потребностями».

#### § 119.

«Воспитательницы, попеченію коихъ таковыя малолѣтніе сироты ввѣряются, не токмо не должны ихъ пренебрегать или изуродовать, но напротивъ того съ материнскою любовью пещись объ нихъ, какъ были бы ихъ дѣти собственные, всякій день по-утру и въ вечеру до почиванія умывать имъ лице и руки, а по-утру вычесывать имъ волосы и

вообще содержать ихъ въ чистотѣ и опрятности, бѣлье перемѣнять ежедневно, а если понадобится, и чаще, и смотрѣть, чтобъ платье и обувь всегда были цѣлыя и чтобъ младенцы не ходили босикомъ, особливо на дворъ или на улицу.

Наблюденіе за симъ возлагается и на попечителя.

§ 120.

По достиженіи двухлѣтняго возраста каждому дитяти прививать предохранительную оспу въ назначенное къ тому врачомъ время, не оставляя отнюдь никого изъ оныхъ безъ прививанія, предпринимая оное и съ тѣми коими поныѣ выше тѣхъ лѣтъ и привиты еще не были или же не имѣли натуральной оспы».

§ 121.

«Для изученія прививанія предохранительной оспы тотчасъ выбрать одного или двухъ, оказывающихся къ тому способными, изъ прислужниковъ богадѣльни и отдать таковыхъ для изученія къ врачу или же опредѣлить для сего изученнаго прививанію по испытанію и назначенію врачомъ»

§ 122.

Привитыхъ оспою перемѣщать въ особую комнату отдѣльно отъ всѣхъ прочихъ здоровыхъ и еще не привитыхъ, дабы послѣдніе отъ первыхъ не были заражены».

§ 123.

«По достиженіи младенцевъ обоого пола восьмилѣтняго возраста, отдавать ихъ въ школу для обученія чтенію, а младенцевъ мужскаго пола и писанію

и ариметикѣ, по крайней мѣрѣ первыхъ пяти правилъ или операций»(19).

§ 124.

По достиженіи двѣнадцатилѣтняго возраста обучать ихъ въ религіи, заставлять ихъ нѣсколько часовъ ежедневно читать священное писаніе и обучать во всѣхъ отношеніяхъ различать добро отъ зла, истолковывать имъ несчастныя послѣдствія отъ злыхъ, а хорошія отъ добрыхъ дѣяній и, предостерегая отъ первыхъ, содѣлать ихъ тѣмъ полезными гражданами и сочленами гражданскаго общества. Сверхъ того таковыхъ, достигшихъ 12-лѣтняго возраста, отдавать купцамъ для обученія торговли или къ ремесленникамъ, или къ земледѣльцамъ, или же во услуженіе, чтобъ съ одной стороны они могли приобрѣсти познанія, нужныя для полезнаго общежитія и приобрѣтенія промышленности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обезпечивающія ихъ будущее существованіе, съ другой же стороны, чтобъ заведеніе освободилось отъ содержанія не нуждающихся болѣе въ пособіи».

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Статья 23.

Объ обязанностяхъ учителя.

§ 125.

«Учитель имѣетъ обязанность наблюдать, чтобы всѣ въ предъидущихъ параграфахъ назначенныя правила на счетъ содержанія малолѣтнихъ сиротъ и дѣтей были выполняемы со всею точностію».

§ 126.

«Онъ, какъ учитель и воспитатель юношества, долженъ пещись объ обра-

зованіи онаго прилежнымъ обученіемъ и впушеніемъ нравственныхъ и человѣколюбивыхъ правилъ и тѣмъ содѣлать ихъ полезными сочленами гражданскаго общества».

§ 127.

Ни одно дитя безъ матери или воспитательницы не должно быть выпускаемо изъ заведенія. и за симъ смотрѣть и строго наблюдать учителю»

§ 128.

«Школьники должны являться въ школу кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней каждодневно по утрамъ съ апрѣля мѣсяца и по октябрь въ семь часовъ, а съ октябрю мѣсяца и по апрѣль въ восемь часовъ; пополудни же въ часъ и пробыть въ школѣ до полудня по двѣнадцатый часъ и пополудни до седьмага часу».

«Если жь школьники будутъ не изъ богадѣленныхъ жителей, въ такомъ случаѣ время прихода ихъ въ школу остается вышеозначенное: для выхода опредѣляется: съ апрѣля по октябрь въ 5-ть часовъ, а съ октябрю по апрѣль въ 4 часа вечера».

§ 129.

«Учитель долженъ вести вѣрные списки не токмо ученикамъ своимъ, но и всѣмъ дѣтямъ своимъ, находящимся въ богадѣльнѣ, не достигшимъ еще учебнаго возраста. не касаясь въ томъ до обязанности попечителя, ведущаго по себѣ списки о всѣхъ живущихъ въ богадѣльнѣ и больницѣ находящихся».

§ 130.

«По достиженіи изъ малолѣтнихъ осьмилѣтняго возраста, онъ настаиваетъ объ отдачѣ ихъ въ школу для обученія».

§ 131.

«Въ школѣ дѣти мужескаго пола не должны сидѣть вмѣстѣ съ таковыми же женскаго пола, а имѣть каждому полу особыя скамейки. Равномѣрно не должны и житьствовать вмѣстѣ, а имѣть каждому полу свои отдѣльные покои».

§ 132.

«Каждый разъ по приходѣ въ школу и по окончаніи ученія учитель съ учениками своими совершаетъ молитву по обряду христіанства».

§ 133.

«Дѣти должны обучаться въ означенныхъ наукахъ по § 123 сего положенія, дѣти женскаго пола въ свободные часы и въ рукодѣліяхъ».

§ 134.

«Изъ обучающихся въ школѣ дѣтей, подчиненныхъ во всемъ учителю, безъ вѣдома его никто ни въ какое время изъ заведенія отлучаться не смѣетъ, и въ томъ же попечитель не долженъ употреблять своего вліянія, ибо за поведеніе школьниковъ отвѣчаетъ одинъ учитель».

§ 135.

«Въ свободные отъ ученія часы и въ хорошую погоду онъ самъ водить ихъ на прогулки, но наблюдаетъ, чтобы шли смирно и тихо и никто никуда не отлучался».

§ 136.

«Къ родственникамъ никого изъ обучающихся дѣтей не отпускать иначе, какъ ежели сами родственники придутъ за ними, и то только въ праздничные дни и съ дозволенія учителя».

§ 137.

„По окончаніи наукъ, какъ учителя, такъ и попечители стараются приготовить дѣтей отдавать къ добрымъ хозяевамъ во услуженіе, кто къ чему способнымъ окажется, съ подпискою, что принимающихъ къ себѣ во услуженіе употреблять будутъ въ честныя и добрыя занятія и удерживать отъ всякихъ непозволительныхъ поступковъ“.

§ 138.

„Выпускъ дѣтей разрѣшаетъ совѣтъ и записываетъ всякій разъ въ журналъ, въ который заноситъ имя взявшаго кого къ себѣ во услуженіе“.

§ 139.

„О каждомъ выпускѣ, какъ равно и о каждомъ новорожденномъ и подкидышѣ, отъ совѣта въ тотъ же день посылается объявленіе въ полицію съ испрошеніемъ для послѣднихъ узаконенныхъ видовъ“.

Не могу объяснить, какія соображенія возникли въ Петербургѣ по поводу представленія, сдѣланнаго барономъ Паленомъ послѣ собранія этихъ свѣдѣній, но въ іюлѣ 1839 года попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа получена изъ министерства народнаго просвѣщенія бумага слѣдующаго содержанія:

„Г. министръ внутреннихъ дѣлъ по Высочайшему Государя Императора повелѣнію, по дѣлу о рижскихъ раскольникахъ и ихъ заведеніяхъ, сообщилъ мнѣ, что раскольническая школа въ Ригѣ не можетъ существовать въ настоящемъ ея положеніи, ибо учреждена въ противность началъ, на коихъ заведены народныя школы и управляется учителемъ изъ шкловскихъ мѣщанъ, раскольникомъ; между тѣмъ, какъ постановленіемъ 1820 года воспрещено выбирать изъ раскольниковъ въ общественныя должности. а потому еще менѣ

можно допустить раскольнику быть наставникомъ юношества, чтобъ въ слѣдствіе сего я принялъ мѣры закрыть оное училище, на основаніи изданныхъ по сему предмету узаконеній, и не иначе дозволилъ учредить вновь школу въ Ригѣ, какъ по уставу уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, 8 декабря 1828 года Высочайше утвержденному, хотя новый уставъ и не распространенъ на Дерптскій учебный округъ, но приличнѣе уравнять школу сію съ другими подобными въ государствѣ, ибо она можетъ быть въ Ригѣ и даже во всемъ округѣ одна такая школа.

„Къ сему г. министръ внутреннихъ дѣлъ присовокупляетъ, что находящіяся въ означенной раскольнической школѣ малолѣтніе круглые сироты мужскаго пола, какъ могущіе остаться безъ призрѣнія, въ слѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, будутъ опредѣлены въ Рижскій баталіонъ военныхъ кантонистовъ.

„Во исполненіе сего Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія покорнѣйше прошу ваше превосходительство сдѣлать надлежащія распоряженія о закрытіи существующей въ Ригѣ раскольнической школы и о недозволеніи вновь учредить школу въ Ригѣ иначе, какъ на основаніи устава уѣздныхъ и приходскихъ училищъ 8 декабря 1828 г. Высочайше утверждённаго, не допуская ни подъ какимъ видомъ, чтобъ учителемъ въ оной былъ назначенъ раскольникъ“. Подлинное подписалъ: Министръ Народнаго Просвѣщенія генералъ отъ инфантеріи князь Карлъ Ливенъ (23 іюня 1832 года № 742).

Баронъ Паленъ какъ генералъ-губернаторъ и попечитель учебнаго округа возложилъ исполненіе этого распоряженія на того же губернатора фонъ-Фелькерзама.

Г. Егоръ фонъ-Фелькерзамъ взялся за дѣло энергически и 17 октября 1832 года

(№ 281) донесъ попечителю слѣдующее:

„Во исполненіе сей Высочайшей воли, бывшая прежде раскольничья школа закрыта, и старшины здѣшняго старообрядческаго общества, на общемъ совѣщаніи сего предмета, въ присутствіи губернскаго директора училищъ и рижскаго полицмейстера, изъявили готовность устроить означенную школу на точномъ указаніи вышеприведеннаго устава и представить въ оное учителя не изъ раскольниковъ къ губернскому директору училищъ на испытаніе.

„Какъ исполненіе сего съ ихъ стороны замедлилось, то я 24 минувшаго сентября предписывалъ рижскому полицмейстеру повудить старшинъ къ исполненію ихъ обѣщанія, съ тѣмъ, что если въ теченіе 8 дней оно не будетъ исполнено, то подвергнутся строгой отвѣтственности.

„Нынѣ попечители убогаго заведенія рижскаго старообрядческаго общества представляютъ мнѣ, что *общество отказало въ выборъ учителя* въ ихъ школу, не изъ раскольниковъ, потому что, якобы, не имѣетъ способовъ производить ему нужное содержаніе и *опредѣлило закрыть лучше сію школу вовсе.*

„А какъ учрежденіе сей школы на основаніи устава уѣздныхъ и приходскихъ училищъ и опредѣленіе въ оную знающаго учителя не изъ раскольниковъ требуется по Высочайшей волѣ, то отъ меня предписано вмѣстѣ съ симъ рижскому полицмейстеру объявить рижскому старообрядческому обществу, что если они сами не изберутъ такового учителя, то онъ будетъ назначенъ въ школу по выбору губернскаго учебнаго начальства, и именно на ихъ счетъ, потому что школа сія учреждается единственно для ихъ и общества, въ такомъ случаѣ будетъ сдѣлана на нихъ раскладка“.

Но энергія лифляндскаго губернатора,

столкнувшись съ непреклонностью русскаго раскола, не имѣла желаннаго въ Петербургѣ успѣха. Дѣло тянулось: баронъ Паленъ настаивалъ на немедленномъ выполненіи петербургскихъ требованій у г. Егора фонъ-Фелькерзама; г. Егоръ фонъ-Фелькерзамъ въ свою очередь понуждалъ полицмейстера, а полицмейстеръ подшпоривалъ общественныхъ старшинъ, и наконецъ-то, 18 ноября 1832 года, послѣдніе подали полицмейстеру нижеслѣдующее *„требуемое покорнѣйшее объясненіе“*:

„Его высокоблагородію, господину рижскому полицмейстеру подполковнику и кавалеру Ивану Павловичу Вакульскому 2-му,

отъ попечителей убогаго и больничнаго заведенія Рижскаго Старообрядческаго общества,

требуемое покорнѣйшее объясненіе.

„Ваше высокоблагородіе, изволили требовать, чтобы мы объяснились о томъ, сколько въ случаѣ, если наше старообрядческое общество желаетъ имѣть школу въ нашемъ убогомъ заведеніи, можно опредѣлить на покупку книгъ, жалованіе учителю, ежегодное содержаніе и прислугу особую, приличную для учителя квартиру и чѣмъ можно обезпечить впредь такой доходъ.

„Ссылаясь на поданное уже 14 октября его превосходительству господину Лифляндскому гражданскому губернатору покорнѣйшее представленіе, имѣемъ мы честь представить вашему высокоблагородію еще слѣдующее:

„Для исполненія вышеписаннаго вашего требованія, созывали мы еще 24 октября и 16 числа сего ноября, членовъ старообрядческаго общества, и сообщивъ имъ упомянутое требованіе, приглашали ихъ объявить свое намѣреніе касательно содержанія школы въ семъ убогомъ заведеніи, съ объясне-

ніемъ или назначеніемъ: изъ какихъ источниковъ можемъ мы получить нужныя средства на исправленіе вышеозначенныхъ расходовъ къ содержанію школы и учителя, какъ поступающія въ сіе убогое заведеніе добровольныя подаенія имѣютъ назначенною цѣлю единственно призрѣнію и продовольствію содержимыхъ въ семъ заведеніи убогихъ и больныхъ и недостаточны даже на сіи необходимыя потребности; бывшее жъ доселѣ въ семъ заведеніи обученіе членовъ старообрядческаго общества и вѣроисповѣданія нѣсколькихъ бѣдныхъ старообрядческихъ дѣтей первоначальнымъ основаніямъ грамоты по древнепечатаннымъ духовнымъ книгамъ, происходило изъ усердія безденежно, не причиняя сему убогому заведенію дальнѣйшихъ расходовъ.

„На сіе бывшіе въ собраніяхъ члены старообрядческаго общества, ссылаясь на изложенныя уже въ вышеупомянутомъ нашемъ представленіи его превосходительству отъ 7 октября обстоятельства, объявили, что если не благоугодно будетъ высокому начальству дать или исходатайствовать намъ въ вышнемъ мѣстѣ позволеніе продолжать въ семъ убогомъ заведеніи обученіе грамотъ старообрядческихъ дѣтей, избираемыхъ изъ сего же общества и вѣроисповѣданія членовъ, въ силу Высочайшаго указа 8 декабря 1828 года, подъ надзоромъ губернскаго господина директора училищъ, по прежнему безденежно, и изображеннымъ уже въ представленіи нашемъ образомъ и порядкомъ, *то старообрядческое общество не жслаетъ вовсе имѣть въ немъ школу на иномъ основаніи*, а для обученія дѣтей своихъ грамотъ и наукамъ будетъ пользоваться предоставленными каждому сословію и партикулярнымъ лицамъ способами: посылать дѣтей своихъ по удобности для каждаго обывателя въ рассужденія жи-

тельства и другихъ обстоятельствъ въ народное Екатериненское и другія общественныя училища и въ партикулярныя школы.

„Сверхъ же сего, будемъ мы посылать и находящихся въ убогомъ заведеніи до десяти сирыхъ дѣтей, для перваго обученія грамотѣ въ приличную изъ состоящихъ въ здѣшнемъ мѣстѣ школѣ.

„Имѣя честь донести о семъ по требованію вашего высокоблагородія, съ высокопочитаніемъ пребываемъ

Вашего высокоблагородія  
покорнѣйшіе

Попечители старообрядческаго убогаго заведенія:

Иванъ Игнатьевъ Лисицынъ.  
Андрей Семеновъ Пуговишниковъ.  
Павель Даниловъ.  
Никонъ П. Волковъ.  
Павель Егоровъ-Леонтьевъ“.

«Рига, 18 ноября  
1832 года».

Обстоятельство это поставило губернатора г. Егора фонъ-Фелькерзама въ положеніе довольно затруднительное. Онъ не выразилъ никакого собственнаго мнѣнія, чтобы слѣдовало сдѣлать въ настоящемъ случаѣ, а представилъ приведенное мною «*требуемое покорнѣйшее объясненіе*» барону Палену (24 ноября 1832 года № 292) «на благоусмотрѣніе». докладывая, что онъ г. Егоръ фонъ-Фелькерзамъ, будетъ имѣть честь ожидать предписанія.

Конецъ концовъ былъ тотъ, что, не стѣсняясь правилами, утвержденными для рижской общины генераль-губернаторомъ маркизомъ Паулуччи, школу Гребенщиковскаго заведенія закрыли, а новой, устроенной сообразно общимъ правиламъ, раскольники не приняли.

Результаты этого распоряженія были многообразны и многообильны самыми разнообразными послѣдствіями. Раскольники, разумѣется, обманули правительство, уничтожившее ихъ школу и предложившее имъ завести другую съ православными учителями. Чтобъ отвязаться отъ докучныхъ придирокъ, раскольники общали посылать дѣтей въ общія школы и не посылали ихъ туда. Шестъ, семь человекъ, такъ сказать, раскольниковъ и полу-нѣмцевъ составляютъ слишкомъ незначительное исключеніе, да и тѣ послали дѣтей не въ русскія училища, куда ходятъ дѣти православныхъ, а въ частныя школы къ нѣмцамъ. Гонимые своими православными соплеменниками, и эти раскольники скорѣе обращались къ нѣмцамъ, болѣе полагаясь на ихъ лютеранскій индифферентизмъ, чѣмъ на вѣротерпимость русскаго православія. Правила маркиза Паулуччи упразднены весьма оригинальнымъ образомъ. Онѣ были вытребованы для дополненія и не возвращены \*). Въмѣсто нихъ даны

\*) Правила эти никогда не были напечатаны, и я полагаю, что экземпляръ, подписанный маркизомъ Паулуччи и хранящійся въ прибалтійскомъ генераль-губернаторскомъ архивѣ, едва ли не единственный экземпляръ. Замѣчательно, что не только остзейскіе чиновники, но даже сами раскольники совершенно не знакомы съ этими правилами, допускаящими не только коллегіальное правленіе, но и *печатаніе отчета*. Послѣдній разъ выборные люди рижской общины напечатали свой отчетъ въ 1829 году. У меня есть одинъ экземпляръ этого изданія, составляющаго нынче большую рѣдкость даже въ самой Ригѣ, и изъ этого отчета я убѣдился, что «Совѣтъ Рижскаго старообрядческаго общества, учрежденный на основаніи статей 1813 года августа 13 дня», управлялъ общественными дѣлами совсѣмъ по иному, какъ стали управлять ими попечители. Напримѣръ, тѣ все печатали, а эти считаютъ несомнѣннымъ съ своимъ достоинствомъ допустить даже образованіе денежныхъ книгъ выбор-

новыя правила, устранявшія прежнюю коллегіальность общественнаго правленія и сосредоточивавшія все въ рукахъ одного попечителя, имѣющаго за плечами у себя другаго попечителя отъ правительства. Бѣдныя дѣти стали болтаться безъ всякаго призора, предаваясь съ самаго ранняго дѣтства крайнему разврату. Община съ ужасомъ смотрѣла на страшную картину и ясно предвидѣла еще худшую, но все-таки осталась непреклонною. Дѣтямъ открывалась широкая дорога къ гибели, съ каторгой въ перспективѣ, но ихъ охотнѣе выпускали на эту печальную дорогу, чѣмъ въ православную школу.

Въ 1849 году деморализація раскольниковъ молодежи въ Ригѣ достигла до апогея. 30 апрѣля 1838 года послѣдовало повелѣніе объ обращеніи въ кантонисты сиротъ, бывшихъ въ упраздненной школѣ, а 11 іюля 1849 года князь Суворовъ просилъ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскаго «ходатайствовать о дозволеніи распространить въ Ригѣ безъ изыятія на всѣхъ бродяжничающихъ и нищенствующихъ по городу малолѣтнихъ раскольниковъ правило 30 апрѣля 1838 года» (т. е. отдавать ихъ въ баталіоны военныхъ кантонистовъ). Ходатайство свое объ этой мѣрѣ князь Суворовъ подкрѣплялъ тѣмъ, «что число бездомныхъ и безпріютныхъ раскольниковъ въ Ригѣ, извѣстныхъ здѣсь подъ именемъ «*карманщиковъ*», постоянно возрастаетъ и время отъ времени становится большою тягостью для общества. Городская полиція, писалъ князь, без-

ными людьми, несмотря на то, что два случая затраты общественныхъ денегъ не въ общественную выгоду и ходившіе по городу толки давно говорятъ о настоятельной необходимости произвести хорошую ревизію по всему управленію общественнымъ имуществомъ и богадѣльней.

сильна, чтобы съ успѣхомъ слѣдить за «вреднымъ классомъ карманщиковъ». Этотъ «вредный классъ», по расчету, выходитъ — поколѣніе раскольниковъ, народившееся послѣ уничтоженія въ 1832 г. Гребенчиковской школы, изъ которой было принято правиломъ пристроивать дѣтей къ мѣстамъ. Община, никогда не бросавшая своихъ сиротъ и дѣтей бѣдняковъ, теперь не могла ничего для нихъ сдѣлать, а власть, находя себя не въ силахъ «подобрать дѣтей», какъ *подбирало* ихъ общество, рѣшилась покончить съ ними, сдавъ ихъ въ кантонисты.

Ходатайство князя Суворова, шедшее чрезъ Л. А. Перовскаго, было уважено. Стонъ, плачь и сѣтованіе огласили московское предмѣстіе. «Это былъ плачь въ Римѣ», говорятъ старики раскольники на своемъ торжественномъ языкѣ. «Рахиль рыдала о дѣтяхъ своихъ и не хотѣла утѣшиться». Вызванныя бездомными и ничему необученными дѣтьми суровыя мѣры шли одна за другою, одна другой круче, одна другой неожиданнѣе. Того же 11-го іюля, когда князь Суворовъ, за № 807, просилъ Льва Алексѣевича Перовскаго ходатайствовать объ отдачѣ сиротъ въ кантонисты, онъ, за № 808, предписалъ рижскому полицмейстеру «немедленно, но съ осторожностью, внезапно и совершенно негласно, взять въ распоряженіе круглыхъ раскольниковыхъ сиротъ, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ». Въ списокѣ, взятыхъ по этому распоряженію сиротъ, есть дѣти обоого пола, включительно отъ двухъ съ половиною до девятнадцати лѣтъ. Даже, не знаю ужъ по какимъ соображеніямъ, въ числѣ малолѣтнихъ была взята купеческая дочь Евдокія Лукьянова Волкова, 21-го года. Все это имѣло ужасное впечатлѣніе на раскольниковъ и врѣзалось въ ихъ памяти огненными чертами.

Есть донесеніе полицмейстера Грина (5 ноября 1849 года за № 2862-мъ), изъ котораго видно, что дѣти, несмотря на позднюю, суровую осень, прятались въ незапертыхъ холодныхъ балаганахъ на конномъ рынкѣ, гдѣ ихъ и находили ночные патрули, доставляя оттуда прямо въ полицейскую чижевку. Забираемыя дѣти чаще всего были совершенно нищіе. Такъ ночью подъ 5-е ноября были взяты семь мальчиковъ, у которыхъ все имущество заключалось въ однихъ мѣшкахъ.

26 ноября 1849 года, за № 5752, графъ Перовскій увѣдомилъ князя Суворова, что «Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволилъ распространить 30 апрѣля 1838 года на всѣхъ бродяжничающихъ, даже и на православныхъ».

Забранныхъ дѣтей, съ нѣкоторыми усиленными этапными предосторожностями, препроводили по пересылкѣ въ томъ же ноябрѣ мѣсяцѣ въ Псковъ, а тамъ сдали ихъ въ баталіоны военныхъ кантонистовъ.

2-го января 1850 года опять были взяты какіе-то одиннадцать карманщиковъ, но ихъ князь Суворовъ велѣлъ отослать къ духовному начальству для присоединенія къ православію, а епископъ Платонъ поручилъ совершить это присоединеніе священнику Благовѣщенской церкви Свѣтлову.

Священникъ Свѣтловъ убѣждалъ въ истинахъ православія весьма успѣшно. 23-го января 1850 года преосвященный епископъ Платонъ прислалъ къ Суворову нижеслѣдующую росписку:

«Мы нижеподписавшіеся рижскихъ умершихъ мѣщанъ дѣти: Іосифъ Ивановъ (четырнадцать лѣтъ), Василій Васильевъ (восьми лѣтъ), Назаръ Семеновъ (двѣнадцать лѣтъ), Леонъ Семеновъ (девяти лѣтъ), Татьяна Федорова (десять лѣтъ), Маринна Лешена (восьми

лѣтъ), Екатерина Филатова (восьми лѣтъ) и Федосья (восьми же лѣтъ), симъ изъявляемъ рѣшительное наше намѣреніе изъ раскола присоединиться къ православію Каѳолическія восточныя церкви и общаемся быть въ послушаніи ся всегда неизмѣнно. Января 16 дня 1850 года». Къ сему показанію вмѣсто неграмотныхъ вышеозначенныхъ дѣтей росписался мѣщанинъ Михаилъ Яковлевъ». «Кромѣ означенныхъ въ показаніи сиротъ 17-го января еще присоединенъ младенецъ Іоаннъ *двухъ съ половиною лѣтъ*». Подписали: квартальный надзиратель Станкевичъ 2-й, свидѣтель—орловскій мѣщанинъ Ѳеодоръ Тихоновъ Дмитріевъ. Показаніе отбирали, рижскія Благовѣщенскія церкви: священникъ Сергій Свѣтловъ, дьякъ Нилъ Назарьевскій, дьячекъ Иванъ Кедровъ».

Къ довершенію искренности этого «присоединенія», бывали случаи сопротивленія присоединяемыхъ. Такъ, на примѣръ, даже при присоединеніи этихъ самыхъ изъявившихъ священнику Свѣтлову дѣтей, свое рѣшительное намѣреніе присоединиться изъ раскола къ православію, случилась исторія, о которой рижскій полицмейстеръ полковникъ Гринъ. 20 января 1850 года за № 35 («дѣло о карманщикахъ»), «доносилъ такъ: тетка сиротъ Назара и Леона Семеновыхъ, здѣшняя рабочая, раскольница Домна Семенова, во время присоединенія, нѣсколько разъ сильнымъ образомъ вривалась въ церковь, произнося ропотъ съ шумомъ. А сестра сироты Василья Васильева, здѣшняя рабочая, раскольница Федосья Иванова, у церкви и при выходѣ изъ оной ея брата, идучи за нимъ по улицамъ громко плакала».

Потомъ еще испр. должн. рижскаго полицмейстера, 13 февраля 1860 года № 87, донесъ кн. Суворову, что на

данное помощнику квартального надзирателя Винклеру порученіе представить мальчика Андріана Карпова Михѣева для присоединенія, онъ рапортовалъ, представя Михѣева и его сестру, здѣшнюю рабочую Марфу Карпову Михѣеву, что послѣдняя дорогою къ церкви всячески старалась брата своего отклонить отъ присоединенія, выразивъ притомъ: хоть и голову тебѣ отрѣжутъ—не поддайся. Притомъ она громкимъ плачемъ возбудила вниманіе проходящей публики, и нѣсколько чловѣкъ сопровождали ее къ церкви. По прибытіи на мѣсто Марфа Карпова Михѣева насильно ворвалась въ церковь, стала позади своего брата, произнося жалобы, и когда священникъ хотѣлъ приступить къ обряду присоединенія, Андріанъ Карповъ сего не дозволилъ, такъ что св. міропомазаніе должно было оставить.

«По учиненіи такового поступка Михѣевъ и его сестра отведены подъ арестъ. Послѣ же того Андріанъ Карповъ Михѣевъ объявилъ, что онъ обдумалъ и просилъ представить его священнику, что тотчасъ и учинено и онъ безъ всякаго помѣшательства присоединенъ. Сестра же его содержится при полиціи».

Чиновникъ особыхъ порученій прибалтійскаго генераль-губернатора графъ Сологубъ. 24 іюля 1850 г. за № 5, прислалъ кн. Суворову донесеніе, ходящее между раскольниками въ тысячѣ списковъ. Я здѣсь приведу только нѣкоторыя мѣста этого очень большаго донесенія. Принципъ невмѣшательства во внутреннія дѣла раскола, пишетъ графъ Сологубъ, существуетъ собственно по имени, а на дѣлѣ отступленія отъ сего принципа повторяются безпрестанно. Высылка людей по этапамъ на увѣщаніе, запечатываніе и раззореніе молель, отбираніе книгъ, иконъ и вещей.

отлученіе дѣтей отъ родителей, женъ отъ мужей, стариковъ отъ семействъ, ссылка наставниковъ, заключеніе ихъ въ тюрьмахъ—всѣ эти случаи, имѣющіе свой источникъ въ похвальномъ рвеніи къ православію, но не подлежащіе законности судебныхъ приговоровъ, не подходятъ подъ правило невмѣшательства во внутреннія дѣла раскольниковъ. Справедливѣе было бы выразить, что принципъ невмѣшательства соблюдается не для внутреннихъ, а для внѣшнихъ дѣлъ раскола».

2.

«Что церковь лишаетъ своего благословенія отступниковъ отъ православія, оно естественно и понятно, но чтобы мірская власть преслѣдовала семейное начало, коимъ единственно можетъ держаться гражданская жизнь, чтобы она не противодействовала явленіямъ внутреннего общественнаго и слѣдовательно государственнаго разрушенія, чтобы она добровольно лишала себя права водворить гражданскій порядокъ тамъ, гдѣ порядокъ церковный сдѣлался пока невозможень, это объясняется только безпримѣрнымъ самоотверженіемъ, безпредѣльной преданностью церкви и, можно сказать, увѣренностью, что семейное начало въ русскомъ народѣ такъ сильно, что, не смотря на возможность уклониться отъ него, ничто не истребитъ его совершенно.

«Въ этомъ отношеніи смѣло утвердить слѣдуетъ, что первенство духовной власти, не достигая собственной цѣли, препятствуетъ при совокупныхъ дѣйствіяхъ, власти свѣтской достигнуть цѣли возможной и тѣмъ въ послѣдствіи содѣйствовать самой церкви.

3.

«Въ 1834 году книги отобраны. Преосвященный Иринархъ выразилъ пра-

вило, что слѣдуетъ гнѣснить раскольниковъ въ самыхъ обрядахъ богослуженія, чтобы имъ дать почувствовать необходимость присоединенія къ единоувѣрческой церкви. Въ слѣдствіе того школа была уничтожена, двѣ молельни закрыты, но третья оставлена. Рижскіе раскольники, не воспользовавшіеся въ 1822 году правомъ скрѣплять законно свои браки, въ послѣдствіи сами о томъ многократно просили, но, не смотря на усиленное ходатайствованіе главнаго начальства, имъ было постоянно отказываемо.

«Тутъ возникла явная несообразность. То, что сперва требовалось и потомъ запрещалось въ Ригѣ, гласно допускалось въ Динабургѣ. Наставникъ тамошней часовни не только имѣлъ позволеніе совершать браки и записывать ихъ въ книгу, но выдавалъ брачныя свидѣтельства, скрѣпляемые мѣстною полиціею, по предписанію губернскаго правленія».

«Въ 1837 году раскольникъ Наумовъ просилъ позволенія у г. генералъ-губернатора обвинять своего сына въ молельнѣ, такъ какъ въ Динабургѣ ихъ болѣе не пускали, а, совершать браковъ по ихъ обрядамъ имъ никогда воспрещено не было. Просителю объявлено, что со стороны мѣстнаго начальства, по существующимъ правиламъ, препятствія къ тому не предвидится. Снова возникло недоразумѣніе, въ коемъ раскольники были, конечно, не виноваты. Бракъ совершенъ при общей ихъ радости, уступившей скоро гнѣву преосвященнаго, требовавшаго, чтобы всѣ раскольничьи супружества были объявлены незаконными, всѣ ихъ дѣти незаконнорожденными и лишенными права наслѣдства».

4.

«Въ 1838 году отобраны у раскольниковъ Леоновой, не смотря на ея сопротивление, трое дѣтей и присоединены къ церкви по той причинѣ, что они были прижиты незаконно. Это самое условливалось, что раскольники могутъ имѣть дѣтей законныхъ, но законъ о томъ умалчиваетъ. Постановленіе же о крещеніи незаконныхъ раскольниковыхъ дѣтей въ православіе дѣйствительно существуетъ. Но могутъ ли быть законныя дѣти тамъ, гдѣ нѣтъ хотя гражданскаго законнаго брака? Что тутъ должно служить руководствомъ? Куда слѣдуетъ приписывать новорожденныхъ? — Въ 1837 году были сдѣланы, по сему предмету, въ Ригѣ нѣкоторыя мѣстныя распоряженія, требовавшія продолжительныхъ формальностей, и до того взволновавшія раскольниковъ, что одна женщина хотѣла, при общемъ крикѣ, бросить мертваго некрещеннаго младенца въ ноги частнаго пристава».

5.

«Нынѣ въ Ригѣ, сколько извѣстно, раскольники могутъ, но не обязаны, объявлять свои браки въ полицию».

«Въ Дерптѣ браковъ не записываютъ, на томъ основаніи, что они не законны».

6.

Въ Дерптскомъ уѣздѣ высланы изъ разныхъ мѣстъ 8 наставниковъ, нѣкоторые уже умерли въ ссылкѣ и считаются пострадавшими за вѣру. Кромѣ того 18 молельня закрыто. Въ настоящее время между дерптскими раскольниками нѣтъ ни одного отвѣтственнаго по расколу лица, и ни одного молитвеннаго дома, гдѣ бы они могли собираться. Такимъ образомъ, не смотря на правило невмѣшательства и неоднократно повторенное положеніе, что раскольникамъ не воспрещается исполнять свои требы,

средства къ исполненію таковыхъ требъ у нихъ отняты. Имъ остается или обратиться къ единовѣрью, или укорениться еще болѣе въ чувствахъ своего кореннаго неповиновенія, тайно выбирать себѣ въ наставники первыхъ попавшихся, ни за что не отвѣтственныхъ людей, и наконецъ «не только удалятся еще болѣе отъ началъ порядка, но обратиться къ явному разврату и пьянству, доселѣ бывшихъ неизвѣстными».

7.

«Дерптскіе раскольники не имѣютъ предъ закономъ ни наставниковъ, ни молельни, ни женъ, ни дѣтей, ни правъ ни обязанностей! Они не возвышены до степени разумнаго общества, а унижены до степени стада безъ пастыря. А потому нравственность ихъ должна упадать съ каждымъ днемъ, что дѣйствительно и замѣчено».

«Всѣ вышеприведенныя обстоятельства могутъ уже нѣкоторымъ образомъ пояснить, съ какими послѣдствіями бываютъ сопряжены неточность и негласность узаконеній тамъ, гдѣ точность и гласность въ особенности необходимы, и почему гражданская организація раскола была бы событіемъ вполнѣ желательнымъ. Она бы положила конецъ мнимымъ преслѣдованіямъ, которыми раскольники гордятся, и между тѣмъ лишила бы ихъ дѣйствительныхъ выгодъ, которыми они весьма сознательно пользуются».

«Смѣю думать, что безошибочно можно вывести слѣдующія заключенія:

«Расколу содѣйствуютъ три причины:

- 1) историческое озлобленіе противъ духовенства,

- 2) невѣжество,

- 3) выгодная неопредѣленность постановленій.

«Если причины оказываются вѣр-

ными, дѣйствія противъ нихъ выказываются сами собой. Онѣ обуславливаютъ:

1) совершенное отдѣленіе, въ дѣлѣ раскола, власти духовной отъ власти гражданской, имѣющихъ дѣйствовать не совокупно и одновременно, съ тѣмъ чтобы церковь содѣйствовала обращенію словомъ, поученіемъ, молитвой, любовью, примѣромъ, а мѣстная полиція соблюденіемъ опредѣленнаго порядка;

2) учрежденіе школъ обязательныхъ для всѣхъ раскольниковъ дѣтей.

3) изданіе правилъ для руководства мѣстныхъ властей и извѣстности самими раскольникамъ.

«Осуществленіе подобныхъ мѣръ представляетъ однако не маловажныя затрудненія. Мысль, что можетъ возникнуть неосновательный упрекъ въ замѣненіи таинствъ полицейскими распоряженіями, опасеніе неудовольствія духовенства, боязнь открыть народу новый источникъ соблазна, недостатокъ въ учебныхъ пособіяхъ и образованныхъ сельскихъ священникахъ, ненадежность полицейскихъ орудій,—таковы суть препятствія, останавливающія гражданскую организацію раскола. Но эти препятствія встрѣчаются болѣе для великороссійскихъ губерній. Для остзейскихъ они не существуютъ—по крайней мѣрѣ не въ равной силѣ.

«Остзейскимъ губерніямъ принадлежитъ великая честь стоять въ челѣ нашего государственнаго благоустройства.—Уничтоженіе крѣпостнаго права, водвореніе обязательнаго народнаго образованія, дѣятельность высшихъ училищъ, образцовое учрежденіе городскихъ обществъ и земскихъ полицій, уваженіе сословій къ своимъ правамъ, развитіе сельскихъ хозяйствъ, преуспѣваніе общественной нравственности,—таковы послѣдствія долгаго историческаго развитія и благодѣтельныхъ правительственныхъ мѣръ.

«Но при общей опредѣленности правъ, обязанностей и отношеній нельзя не сознать, что постановленія о проживающихъ въ остзейскихъ губерніяхъ раскольниковъ одни только не согласуются съ стройностью прочихъ частей управленія.

«Между тѣмъ число раскольниковъ незначительно, большинство жителей протестанты, для которыхъ наружное свисхожденіе по расколу, не представляетъ опасности; русскаго духовенства нужно немного. На полиціи положиться можно.

«Элементарныя школы учреждены въ каждой деревнѣ, примѣръ передъ глазами. Заимствованіе будетъ не трудно».

9.

«Въ Дерптѣ нѣкоторые раскольники посылаютъ уже дѣтей своихъ въ нѣмецкія училища, сами говорятъ и по нѣмецки и по эстонски, бывають у православныхъ священниковъ, и одинъ изъ нихъ, предполагаемый ихъ тайный наставникъ, торгуетъ табакомъ треклятымъ, по мнѣнію поморской секты, зельемъ».

10.

«Обращенія совершаются большей частью или посредствомъ браковъ, или по насильственному міропомазанію дѣтей, коихъ родители нѣкогда принадлежали къ православію, при чемъ законъ давности не соблюдается.

«Если раскольникъ, напримѣръ, пожелаетъ жениться на православной, церковь вѣнчаетъ ихъ и записываетъ раскольника въ число обращенныхъ; но многіе опыты доказываютъ, что, при такихъ случаяхъ, послѣ вѣнчанія не мужъ становится православнымъ, а жена переходитъ въ расколъ \*).

\*) Лучшимъ доказательствомъ ничтожества такихъ обращеній служатъ попытки присоединенныхъ просить правительство о возвращеніи снова въ расколъ. Н. Л.—въ.

«Съ дѣтьми же, долженствующими по метрическимъ книгамъ принадлежать къ православію, дѣйствія духовно-полицейской власти принимаютъ иногда свойства жестокости, несогласной ни съ милосердіемъ церкви, ни съ духомъ времени».

11.

«Въ комнату мою ворвались крестьянинъ и крестьянка, съ воплемъ и и слезами кинулись на полъ и пачали просить защиты противъ Носовскаго священника. Сбѣжавшая моя семья не могла утѣшить почти ослѣпнувшую, рыдающую мать, вопиющую, что у нея отнимають дѣтей.

«По сдѣланной мною справкѣ, дѣло подтвердилось».

«Крестьянинъ деревни Ротчина Осипъ Васильевъ Дектянниковъ, хотя и утверждаетъ, что онъ родился отъ родителей, всегда бывшихъ въ расколѣ, но записанъ по метрическимъ книгамъ дерптской Успѣнской церкви родившимся въ 1810 году и крещенъ въ православіи.

«Это послужило поводомъ, что чрезъ 47 лѣтъ, т. е. въ 1857 году, дѣти его были вытребованы къ увѣщанію по представленію Носовскаго священника. Дѣтей было трое: Иванъ 16 лѣтъ, Василій 13 и Андрей 1 года. Старшій, нѣмой и подверженный эпилептическимъ припадкамъ, оставленъ въ покоѣ, но Василій и неразумный еще Андрей были перекрещены. Послѣдній не могъ очевидно понять, что съ нимъ дѣлали, но тринадцатилѣтній Василій, какъ показываетъ его отецъ, *тотчасъ кинулся съ рѣзкою, чтобъ смыть съ себя священную печать дара духа святаго.*

«На основаніи сего присоединенія къ церкви, высшей властью постановлено, чтобъ обращенныхъ дѣтей Дектянникова у него отобрать и передать

на воспитаніе православнымъ родственникамъ или опекунамъ. Родители дѣтей скрывали, и нынѣ они или должны остаться съ глухонѣмымъ эпилептическимъ сыномъ, или, какъ во время гоненій, прятать своихъ другихъ дѣтей отъ преслѣдованія священниковъ. При этомъ нельзя не упомянуть, что въ крестьянскомъ быту, подрастающія дѣти составляютъ рабочія силы, и что отлученіе ихъ изъ дома поражаетъ не только чувство природы, но и хозяйственныя выгоды крестьянъ.

«Вышеприведенное дѣло, предъ которымъ слабѣетъ извѣстный случай еврейскаго мальчика Мартары, возбудившій негодованіе всей просвѣщенной Европы, къ сожалѣнію, далеко не единственный въ семь родѣ.

«Кто въ приведенномъ случаѣ возбуждаетъ сочувствіе—раскольникъ или священникъ? Значеніе церкви такъ велико, такъ свято, что всякое насиліе въ ея пользу не только ее оскорбляетъ, но явно вредитъ ей.

«При этомъ надо замѣтить, что мѣстныя земскія полиціи тѣмъ строже исполняютъ свою обязанность, чѣмъ болѣе внутренно чувствуютъ къ ней отвращеніе! Боясь показать незаконное потворство, они держатся буквального смысла данныхъ имъ предписаній. Такъ какъ раскольники часто укрываются бѣгствомъ отъ грозящихъ имъ увѣщаній, по сему поводу учреждены были не рѣдко, по отзыву земскихъ властей, *настоящія на нихъ облавы.*

«Въ видахъ осторожности, ихъ часто содержатъ подъ стражей, ведутъ въ кандалахъ, по этапамъ, какъ преступниковъ, причемъ и обращеніе съ ними полицейскихъ очевидно грубо до жестокости.

«Духовенство ссылается на то, что по религиознымъ убѣжденіямъ преслѣдованій нѣтъ. Но развѣ содержаніе въ

турьмѣ, ношеніе цѣпей, этапное слѣдованіе съ колодниками—не составляютъ тоже истязанія? Развѣ отлученіе отъ семейства не составляетъ нравственной пытки?

«До сего времени содержится въ Дерптѣ престарѣлый безграмотный старикъ Прокофій Никифоровъ. Онъ съ 1850 года, т. е. уже десять лѣтъ какъ отлученъ отъ своего семейства, почти изъ ума выжилъ и очевидно только теперь становится опасенъ, потому что слыветъ, на ряду со многими другими, праведникомъ, пострадавшимъ за вѣру.

«Если бы священники подвергались строгой отвѣтственности предъ своимъ начальствомъ за всякое, неподтверждаемое обращеніе (въ православіе), если въ обращеніяхъ настоящихъ было бы принимаемо надлежащее удостовѣреніе, что обращающійся, не по какомунибудь минутному расчету, а по искреннему чувству, сдѣлался достойнымъ счастья быть снова причисленнымъ къ церкви,—то нѣтъ сомнѣнія, что случаи мною приведенные, сдѣлались бы невозможными.

«По самой человѣческой немощи, всякое принужденіе вызываетъ ропотъ; всякое запрещеніе условливаетъ желаніе ему не подчиняться. Если бы церковь объявила раскольникамъ, что она, въ видѣ наказанія, не признаетъ ихъ болѣе и поставила бы присоединеніе на степень награды, послѣ очистительнаго оглашенія... обращеній очевидно было бы болѣе, чѣмъ нынѣ ..., и святое достоинство имени церкви не подвергалось бы нареканіямъ и упрекамъ невѣжественной черни.

«Тутъ опредѣляется прямая дѣятельность церкви».

«Она никого не укоряетъ, никого не винитъ, не требуетъ къ мірскому суду. Полная самоотверженной любви,

она въ видѣ скромнаго пастыря входитъ въ избу совращеннаго, переноситъ оскорбленія, во имя богострадальца, благодарствуетъ оскорбившихъ, роднится съ ихъ жизнію, вникаетъ въ ихъ бытъ, говоритъ ихъ языкомъ и наконецъ направляетъ ихъ къ разуму и истинѣ».

12.

«Кромѣ начала ненависти, расколъ образуется началомъ невѣжества. Мѣры противъ послѣдняго высказываются сами собой: образованіе училищъ, истребляя невѣжество, тѣмъ самымъ можетъ истребить и расколъ. Но тутъ встрѣчается новое столкновеніе духовной власти съ гражданской. Элементарное духовное образованіе поручено приходскимъ священникамъ; въ приходскія же училища раскольники дѣтей своихъ посылать не будутъ, не смотря ни на какія принужденія».

«Такимъ образомъ нужно было отказываться до сего времени отъ одного изъ лучшихъ способовъ дѣйствовать на расколъ.

«Въ великороссійскихъ губерніяхъ, гдѣ народное поголовное образованіе еще необязательно, такое обстоятельство объясняется само собой; но остзейскія губерніи служатъ и въ этомъ случаѣ исключеніемъ. Въ нихъ общее ученіе, требуемое протестантскимъ исповѣданіемъ, осталось обязательнымъ для присоединенныхъ къ православію крестьянъ.

«Изъ этой общей мѣры исключены только русскіе мѣщане и раскольники. Послѣдніе, видя вокругъ себя общій порядокъ учрежденій, независимо отъ вѣроисповѣданій, не будутъ противиться учрежденію школъ, а лишь участію въ нихъ священниковъ. Наконецъ учрежденіе обязательныхъ школъ могло бы быть условіемъ къ предоставленію раскольникамъ нѣкоторыхъ

правъ, которыя въ свою очередь принесли бы со временемъ свои плоды.

«Изъ этого возникаетъ возможность образовывать, въ вѣдѣніи учебнаго округа, но на счетъ сектаторовъ, обязательныя школы, учрежденіе коихъ подчинилось бы особымъ правиламъ. Онѣ бы имѣли свойство чисто педагогическое, не касаясь предметовъ вѣры, поручались бы школьмейстерахъ, въ деревняхъ бы довольствовались ученіемъ грамоты и 4 первыхъ правилъ ариметики, а въ Дерптѣ включили бы въ свой курсъ географію, исторію, грамматику, нѣніе. Подобный опытъ, какъ слышно уже, сдѣланъ въ военныхъ поселеніяхъ, по распоряженію министерства государственныхъ имуществъ, а такъ какъ часть дерптскихъ раскольниковъ подлежитъ тому же вѣдомству, то въ примѣненіи уже существующаго правила нельзя предвидѣть затрудненія. По свидѣтельству очевидца между новгородскими раскольниками уже усиливается убѣжденіе, что толку ихъ существовать не долго—на томъ основаніи, что дѣтей ихъ уже посылаютъ въ школу».

«Освободивъ раскольниковъ отъ столкновеній съ духовенствомъ, принудивъ ихъ къ образованію и штрафами за ослушаніе и тѣмъ, что безграмотный не могъ бы быть приписанъ въ мѣщане... остается приучить ихъ къ гражданской отвѣтственности. Обязанности условливаются только правами. Кто не имѣетъ права, не имѣетъ и обязанности».

«Негласныя постановленія существуютъ... Почему же не сдѣлать ихъ гласными, когда всѣ ихъ знаютъ?»

Приведенные отрывки не будутъ лишними. Впередѣ мы встрѣтимъ бумагу другаго члена лифляндской администраціи, державшагося нѣсколько иныхъ воззрѣній на расколъ. Я не намѣренъ подвергать ту бумагу критическому разбору,

но имѣю основаніе желать, чтобы лицо, прочитавшее мои выдержки изъ донесенія графа Сологуба, удержало ихъ въ своей памяти, пока его вниманіе будетъ остановлено совершенно противоположными мнѣніями.

По моему крайнему разумѣнію, все вышеизложенное можетъ служить достаточнымъ подкрѣпленіемъ моего мнѣнія, что «отвращеніе къ церкви» внушалось и нынѣ внушается раскольникамъ не въ школахъ и не учителями, въ родѣ добродушнаго старичка Желтова или простаго шкловскаго мѣщанина Дорофея Дмитриева-Емельянова. Я имѣлъ честь оговориться, что не хочу, да и не могу оспаривать автора «Исторіи Преображенскаго кладбища», по словамъ котораго въ Москвѣ «дѣтямъ внушалось отвращеніе къ церкви и церковникамъ-никоніанамъ». Не хочу даже пользоваться общими многимъ придираніями къ происхожденію и нынѣшнему положенію автора; но не поручусь за основательность его сказанія, а самъ, по своему уму-разуму и совѣсти, рѣшительно отвергаю возможность приписывать религіозный фанатизмъ раскольниковъ вліянію школъ и въ этомъ вліяніи искать корень презрѣнія раскольниковъ къ духовенству господствующей церкви, опирающейся на мірскую власть и присоединяющей въ свое лоно ири содѣйствіи квартальныхъ надзирателей. Еще разъ повторяю: это плоды принудительной системы правительства и корыстолюбивой ревности духовенства; а школы здѣсь рѣшительно не причемъ.

Такъ исчезла рижская гребенщиковская школа, оставивъ на своемъ мѣстѣ описанную мною «мерзость запустѣнія».

А между тѣмъ шли годы, смѣнялись общественные дѣятели, измѣнился характеръ правленія и измѣнились обстоятельства.

Съ восшествіемъ на престолъ Импе-

ратора Александра II-го и первымъ мерцаніемъ обличительной гласности, раскольники завидѣли вдалекѣ брезжущую зорьку, обѣщавшую конецъ долгой осенней ночи, въ теченіи которой они спали, давимыя тяжелымъ кошмаромъ. Смутны и неопредѣленны, но теплы и смѣлы были ихъ надежды на молодого Государя. Они начали помышлять о возвращеніи многихъ отнятыхъ у нихъ гражданскихъ правъ и, между прочимъ, права имѣть школы. Смѣлѣе всѣхъ въ этихъ надеждахъ были раскольники остзейскаго края и въ особенности рижцы, которые, несмотря на все вышеизложенное, все-таки были самостоятельнѣе всѣхъ другихъ русскихъ раскольниковъ. Ожидая пока, что будетъ, рижане порѣшили, что ужъ, во всякомъ случаѣ, прежнія преслѣдованія прекратились и можно кое-что предпринимать потихоньку къ своему благоустроению. Попытались отнестись къ начальству съ однимъ, съ другимъ,—на все отвѣчаютъ въ томъ же тонѣ. Стали еще болѣе вѣрять въ царя, стали еще смѣлѣе въ просьбахъ, а въ нѣкоторыхъ вопросахъ, гдѣ боялись столкнуться съ духовенствомъ, пошли впередъ сами, безъ всякихъ разрѣшеній, такъ называемымъ «законопротивнымъ образомъ». Въ этотъ періодъ времени на одной рижской раскольниковъ женился раскольникъ же изъ Вилькомира, митавской 2-й гильдіи купецъ Григорій Семеновъ Ломоносовъ, человекъ прямой, рѣзкій, терпѣвшійся по дѣламъ съ разными властями и имѣющій большое состояніе. Ломоносовъ началъ свое общественное служеніе въ Ригѣ, чѣмъ обыкновенно заявляютъ себя раскольники: приношеніями въ больницу, богадѣльню и моленную. Можетъ быть, что Ломоносовъ не ограничился бы этого рода дѣятельностью. Но случай свелъ его съ здѣшнимъ довольно еще молодымъ купцомъ Захаромъ Лазаревичемъ

Бѣляевымъ, самымъ горячимъ слугою общественныхъ интересовъ и неустаннымъ врагомъ всякой лжи и всякаго невѣжества. Онъ воспитывался въ уничтоженной гребенщиковской школѣ, былъ мальчикомъ въ трактирѣ, потомъ сидѣлъ за вѣру въ казематахъ Дюнамюнде, а теперь имѣетъ небольшой русскій трактиръ, съ котораго живетъ. Бѣляевъ человекъ весьма свѣтлый и довольно развитый, всего болѣе до крайности прямой и готовый хоть сто разъ погибать за правду. Онъ очень любитъ читать произведенія новой литературы и при всей ограниченности своего состоянія, едва ли превышающаго десять тысячъ рублей, выписываетъ пять русскихъ журналовъ и нѣсколько газетъ. Все это Бѣляевъ перечитываетъ съ большимъ вниманіемъ и замѣчательнымъ критическимъ тактомъ. Влеченіе къ знаніямъ у него доходитъ до страсти, и потому нестерпимое однообразіе раскольниковъ «цвѣтниковъ» и очевидная нелѣпость большинства толстыхъ книгъ его возмущаетъ. Онъ не только самъ давно бросилъ эти книги, но, къ великому соблазну многихъ, очень еще любитъ выставлять на посмѣянія хорошо извѣстныя ему бредни толстокнижниковъ. Бѣляева считаютъ плохимъ «христіаниномъ» (въ раскольниковъ смыслѣ этого слова), но глубоко уважаютъ какъ лучшаго и самаго «крѣпкаго» общественника. «Осатанѣлъ, говорятъ, Бѣляевъ, а мужикъ первый». За эту безмѣрную преданность Бѣляева общественнымъ интересамъ ему, скрѣпя сердце, прощаютъ не только его осатановеніе, но и безошадную обличительную прямоту, пробивающую людей до седьмого пота. Познакомившись съ Бѣляевымъ, Ломоносовъ завелъ на московскомъ форштатѣ секретную школу и содержитъ ее до сихъ поръ вмѣстѣ съ Бѣляевымъ. Это и есть та школа, о которой прослышали

здѣшніе поморцы и по образу которой они желаютъ устроить школы у себя. Мнѣ не было основательныхъ причинъ добиваться: какъ велико денежное участіе Бѣляева въ содержаніи этой секретной школы, но полагаю, что оно ничтожно: ея инициатива, кажется, болѣе принадлежитъ Бѣляеву, чѣмъ Ломоносову. Ниже мы будемъ имѣть случай подробно говорить объ этой школѣ и о томъ, насколько она заслуживаетъ вниманія и подражанія.

Прошло два года со времени основанія этой школы, извѣстной подъ фигуральнымъ именемъ «Марочки», и въ другихъ мѣстностяхъ остзейскаго края тоже начали подъ сурдинкой поучивать дѣтей въ сборѣ по десяти и по двадцати въ одномъ мѣстѣ.

Но раскольники, вѣчно подозрѣваемые въ какой-то жадности въ таинственности, на самомъ дѣлѣ очень любятъ официальное признаніе и гласность. Поживъ годъ-другой съ своими секретными школами, они начали ходатайствовать объ учрежденіи имъ открытыхъ школъ.

Упорное исканіе школъ поморцами остзейскаго края, въ нынѣшнее время, во многомъ исканіе архіерейства рогожцами и дьяконовскимъ согласіемъ въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II-й, кончина которой надолго отдалила соединеніе господствующей церкви со всею дьяконовщиною и многими поповцами вѣтковскаго согласія. Расколь дѣлаеть уступки и проситъ чего ему хочется, а ему даютъ то, чего онъ не хочетъ взять, да и не можетъ взять по своимъ понятіямъ о дѣлѣ. Все идетъ невыносимо долго, все мучитъ людское терпѣніе съ равнодушіемъ приспѣшника, раздумывающаго надъ явствомъ, назначеннымъ для утоленія судорогъ голоднаго желудка. Является Захаръ Бѣляевъ, совершенно равнодушный къ фанатическимъ требованіямъ раскола, но не

равнодушный къ долгу образованія и испытанный горячій слуга раскольниковъ общности. Это—личность, во многомъ напоминающая собесѣдника кн. Потемкина, молодого раскольниковъ философа, всѣми силами рвется сблизать своихъ общественниковъ съ современными идеями. Онъ говоритъ имъ, что расколь — вздоръ, что ученіе Христа не въ формахъ и обрядахъ, а въ духѣ любви, которой у раскольниковъ ничуть не болѣе чѣмъ у православныхъ, католиковъ, или евреевъ. Бѣляевы въ расколѣ не части, но все же въ расколѣ есть люди свѣтлые и благонамѣренные, которые могли бы оказать много несомнѣнной пользы въ интересахъ народнаго просвѣщенія и слѣдовательно въ интересахъ народнаго благосостоянія. Все это подходитъ къ дверямъ власти, все это тянетъ предъ ними надрывающимся груднымъ голосомъ свое скитовое: «Господи Іисусе Христе помилуй насъ», и все молча готово снова завернуться само въ себя, если власть изъ за своихъ дверей не поторопится отвѣтить имъ давно ожидаемое «Аминь».

Исканіе школъ въ остзейскомъ краѣ въ послѣднее время начали дерптскіе раскольники. Мысль просить объ учрежденіи школъ была у нихъ, разумѣется, давно, но новый поводъ къ заявленію ея дало опять едва ли не то же самое духовенство господствующей церкви.

Изъ дѣла, находящагося въ архивѣ генераль-губернаторской канцеляріи, видно, что архіепископъ рижскій и литавскій Платонъ. 13 іюня 1860 года за № 2481, по доносу дерптскаго благочиннаго, протоіерея Алексѣева, жаловался генераль-губернатору, что мѣщане русскаго происхожденія «не брегуть о образованіи дѣтей своихъ и не посылаютъ ихъ въ приходскія школы, и просилъ кн. Суворова, «не признаетъ ли онъ возможнымъ по-

будить гражданъ русскаго происхожденія, проживающихъ въ Лифляндіи, къ обученію дѣтей ихъ въ приходскихъ и другихъ школахъ». Въ бумагѣ рижскаго архипастыря. между прочимъ, было сказано, что мѣщане скупаются удѣлить что нибудь на образованіе своихъ дѣтей и что, по мнѣнію отца Алексѣева, «посѣщеніе школъ нужно сдѣлать обязательнымъ, по крайней мѣрѣ, для слушанія уроковъ религіи».

Когда настоящее дѣло дошло до лифляндскаго губернскаго правленія. то это присутственное мѣсто, 13 октября 1860 года за № 2811, написало генераль-губернатору, что оно «не въ состояніи пріискать какія либо средства для побужденія живущихъ въ Лифляндіи мѣщанъ русскаго происхожденія посылать своихъ дѣтей въ школу», а генераль губернаторскій чиновникъ Шмидтъ, 7 марта 1861 года за № 25, представилъ донесеніе, которое я привожу въ подлинникѣ.

Послѣ форменнаго вступленія господинъ Шмидтъ пишетъ:

«Прежде всего долгомъ считаю не умолчать о сдѣланномъ мною въ настоящее время замѣчаніи, что благосостояніе, бывшее 10 лѣтъ тому назадъ. у многихъ живущихъ въ Дерптскомъ уѣздѣ раскольниковъ, нынѣ не существуетъ; а на мѣсто онаго вкрались пороки, лѣность и пьянство, чего прежде не видно было. Я очень далекъ отъ утвержденія, будто это зло произошло оттого, что раскольники лишены были отправленія обрядовъ своихъ закрытіемъ молельнъ; но полагаю, что эта мѣра имѣла болѣе или менѣе вліяніе на развитіе между ними безнравственности, преимущественно же между молодыми. Опытъ доказываетъ, что угнетенная секта упорнѣе остается въ своемъ заблужденіи, надѣясь этимъ пріобрѣсть вознагражденіе въ названіи

«мученика», нежели такая, которая терпима правительствомъ и свободна въ отправленіи обрядовъ, состоя только подъ строгимъ надзоромъ въ отношеніи обращенія другихъ въ расколъ».

«Со времени закрытія молельныхъ въ дерптскомъ уѣздѣ присоединеніе раскольниковъ къ православію не было очень значительно. Въ 1850 году число раскольниковъ простиралось до 4200. а нынѣ до 4000 душъ, слѣдовательно разница въ 200 человекъ, и эта разница можетъ быть произошла не только отъ присоединенія къ православію, но и отъ перехода раскольниковъ на жителство въ другія мѣста и отъ другихъ причинъ. Даже наказанія, которыми нѣкоторые изъ сектаторовъ подвержены были, не могли ихъ склонить къ возвращенію въ нѣдра церкви и такъ какъ нельзя заключить, чтобы означенныя 4000 душъ совершенно обратились въ язычество, то съ достовѣрностію полагать можно, что они въ тайнѣ отправляютъ обрядъ своей секты. Ни свѣтское, ни духовное начальство не въ состояніи прекратить это совершенно, и такая въ тайнѣ дѣйствующая секта имѣетъ самыя вреднѣйшія послѣдствія въ религіозномъ, нравственномъ и общественномъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе, что все тайное возбуждаетъ въ человекѣ особенную привлекательность и представляетъ самый лучший случай къ обращенію въ секту.

«Для узнанія обязанностей противъ Бога, истинной вѣры и опредѣленія своего существованія, человекъ долженъ имѣть образованіе. Всѣ люди способны къ образованію, если только существуютъ необходимыя наружныя условія. Во всѣхъ обстоятельствахъ жизни обнаруживается, что образованіе начинается мало-по-малу и переходитъ отъ наружнаго къ внутреннему, отъ несущественнаго къ существенному. По

сему во время настоящей прогрессии въ нашемъ отечествѣ, весьма радостно событіе, что всѣ живущіе въ дерптскомъ уѣздѣ раскольники, которыхъ я имѣлъ случай видѣть, изъявили желаніе, — посредствомъ устройства школъ. — дать соотвѣтственное образованіе своимъ дѣтямъ, число которыхъ простирается до 1300 душъ.

«Имѣю честь представить вашей свѣтлости въ приложеніи подѣ лит. А прошеніе, подписанное дерптскимъ мѣщаниномъ Смолкинымъ отъ имени и съ согласія раскольниковъ, живущихъ въ деревняхъ: Черной, Какитѣ, Красная гора, Колькѣ, Казенѣ, Воронѣ и Межѣ, объ устройствѣ школъ подѣ условіемъ, чтобы онѣ не состояли подѣ вліяніемъ православнаго духовенства, и чтобы учителя принадлежали къ раскольнической сектѣ. Независимо отъ сего сектаторы просятъ въ представляемомъ у сего подѣ лит. Б. прошеніи, объ открытіи моленныхъ и опредѣленіи наставниковъ, какъ это дозволено единовѣрцамъ ихъ въ Ригѣ и въ другихъ городахъ имперіи.

«Сверхъ сего мнѣ подано было прилагаемое у сего подѣ лит. В. прошеніе отъ живущихъ въ г. Дерптѣ раскольниковъ, состоящихъ изъ 168 взрослыхъ и 60 дѣтей обоюга пола. Это прошеніе, изъявляя подобное же желаніе: «что если предоставится имъ право давать дѣтямъ своимъ преимущество образованія, то, разумѣется, что таковое тѣмъ болѣе необходимо имъ самимъ по обрядамъ своимъ», — слѣдовательно они согласны на открытіе школъ. но только подѣ условіями.

«Что касается до открытія моленныхъ и опредѣленія наставниковъ, то я удерживаюсь отъ выраженія всякаго мнѣнія по сему предмету, но нахожу полезнымъ устройство школъ. потому что уже въ обученіи юношества гра-

мотѣ, читать и писать, есть средство довести ихъ со временемъ до сознанія въ лжеученіи, которому они преданы.

«Въ заключеніе осмѣливаюсь почтительно представить вашей свѣтлости слѣдующія предположенія касательно устройства таковыхъ школъ:

«1) Относительно преподаванія грамоты. школы должны состоять подѣ наблюденіемъ мѣстнаго вѣдомства народнаго просвѣщенія; въ отношеніи же могущихъ быть попытокъ къ обращенію другихъ въ расколъ и въ отклоненіе погрѣшностей противъ нравственности, — подѣ строгимъ надзоромъ дерптскаго орднунгсгерихта.

«2) Преподаваніе должно ограничиться чтеніемъ, письмомъ и первыми началами ариѳметики; касательно же преподаванія закона Божія, то существуетъ для единовѣрческой церкви катехизисъ, который признаютъ и сами раскольники.

«3) Учителей слѣдовало бы предварительно избирать изъ числа сектаторовъ и, если возможно, не подвергать ихъ экзамену, или только поверхностно потому, что они могутъ быть самоучки, и основательныхъ познаній отъ нихъ ожидать нельзя. Орднунгсгерихтъ долженъ имѣть наблюденіе. чтобы въ учителя не были избраны лица, извѣстныя своимъ фанатизмомъ или безнравственностію.

«4) Расходы на содержаніе школъ, на жалованіе учителямъ, равномерно наблюденіе за посѣщеніемъ школъ слѣдовало бы совершенно предоставить самимъ раскольникамъ.

При донесеніи г. Шмидта были представлены просьбы села Черной и деревень Кикиты, Тихотки, Красныхъ горъ, Колькѣ, Казенѣ, Воронья и Межи.

«Просимъ отъ правительства благоволить для насъ милосердіе (пишутъ къ этой просьбѣ), поучить намъ своихъ

дѣтей въ училищѣ, устраиваемомъ соразмѣрно достатковъ и обстоятельствъ нашихъ первоначальному обученію по нашимъ древнимъ книгамъ и письма по скорописи, въ самыхъ простыхъ наукахъ, *учителемъ, выбираемымъ изъ среды насъ и, чтобы это происходило помимо духовенства,* на счетъ наукъ нашихъ дѣтей, сверхъ онаго вышеупмянутаго ученія мы нежелательны принять. Во второмъ прошеніи общества, эти опять также безграмотно и также умилительно наивно просить «позволить имъ поучить своихъ дѣтей», но уже присоединяютъ къ этому и просьбу, позволить имъ молиться, какъ молятся въ Ригѣ.

Въ это же время *дерптскіе* раскольники, «поощренные благосклонною милостію его свѣтлости князя Суворова, осмѣлились изъяснить желаніе свое въ слѣдующемъ:

1) «Чтобы благосклонно дозволено было обществу, учредить на свой счетъ училище и избрать для онаго изъ среды своей учителя, какъ для нравоученія самого общества, такъ и для дѣтей ихъ, и, такимъ образомъ, дать начало къ образованію ихъ, какъ таковое доступно всѣмъ состояніямъ въ имперіи».

2) «Чтобы раскольническое общество само имѣло право, выбирать изъ среды своей учителя для такового училища, который обучалъ бы дѣтей первоначальнымъ правиламъ чтенія, писанія и Закона Божія по исповѣданію предковъ ихъ, а также и пѣнію по древнему ихъ обряду.

3) «Чтобы училище это состояло подъ надзоромъ правительства при содѣйствіи двухъ членовъ изъ раскольническаго общества, безъ всякаго вмѣшательства православнаго духовенства.

4) «Чтобы избранному ими раскольническому учителю предоставлено было право, совершать въ раскольническомъ

обществѣ въ вышеозначенномъ учебномъ заведеніи—духовныя требы, въ томъ родѣ, какъ таковое существуетъ и въ настоящее время въ г. Ригѣ.

Хотя въ Дерптѣ и довольно «учебныхъ заведеній»,—прибавляютъ раскольники въ концѣ своей довольно длинной просьбы—«но нѣтъ училища для насъ и дѣтей нашихъ, въ которомъ могли бы образоваться по исповѣданію предковъ нашихъ». Это довольно важно, если припомнить данное раскольниками обѣщаніе учить дѣтей въ общихъ школахъ.

Раскольники, ободряемые все мало-помалу смягчающимся характеромъ правленія, или въ своихъ исканіяхъ школъ не одною дверью. Въ дѣлѣ есть слѣдующая бумага лифляндскаго гражданскаго губернатора къ генералъ-губернатору:

«Избранные раскольники деревень Кикиты и Тихотка: Михайло Григорьевъ Смолкинъ, Семенъ Петровъ Кроховъ и Григорій Михайловъ Смолкинъ просили дерптскій ордунгсгерихтъ объ исходатайствованіи имъ разрѣшенія, учредить въ деревнѣ Кикита первоначальную школу, въ которой бы могъ избранный изъ среды раскольниковъ учитель обучать дѣтей ихъ чтенію, письму и ариметикѣ.

«Донося мнѣ объ этомъ, ордунгсгерихтъ присовокупилъ, что въ дерптскомъ уѣздѣ дѣти раскольниковъ рѣшительно ничему не обучаются, по неимѣнію для нихъ школъ. Принуждать же раскольниковъ силою, отдавать своихъ дѣтей въ учрежденныя православнымъ духовенствомъ школы, по мнѣнію ордунгсгерихта, было бы неудобно и несообразно съ цѣлію. Въ этомъ случаѣ пришлось бы преодолѣть нѣсколько упорное сопротивленіе, но и преподаваніе въ этихъ школахъ должно бы принять совсѣмъ другое направленіе,

ибо оно ограничивается почти единственно наставленіемъ учениковъ въ правилахъ православной церкви.

«Поэтому орднунгсгерихтъ признаетъ учрежденіе школы для обученія дѣтей раскольниковъ чтенію, письму и ариметикѣ, дѣйствительно необходимымъ, тѣмъ болѣе, что избранный изъ среды ихъ учитель, при выборѣ котораго, конечно, надобно бы было соблюдать всю осторожность, могъ бы еще инымъ образомъ полезно дѣйствовать на своихъ учениковъ, возбуждая и поселяя между ними сомнѣніе въ устарѣлыхъ и несовершенныхъ убѣжденіяхъ родителей ихъ и, мало по малу, искореняя эти убѣжденія и вообще просвѣщая взглядъ и образъ мыслей довѣреннаго ему юношества.

«Принявъ во вниманіе всѣ эти доводы, орднунгсгерихтъ вошелъ въ сношеніе по сему предмету съ дерптскимъ благочиннымъ Алексѣевымъ, который утвердилъ его, что со стороны православнаго духовенства не будетъ никакихъ препятствій къ учрежденію раскольниковъ школъ (!), и посему орднунгсгерихтъ проситъ меня исходатайствовать раскольникамъ дозволеніе учредить испрашиваемыя школы не только въ поименованныхъ выше, но и во всѣхъ прочихъ, обитаемыхъ раскольниками деревняхъ.

«Съ своей стороны, раздѣляя вполне мнѣніе орднунгсгерихта о пользѣ и даже необходимости учрежденія первоначальныхъ раскольниковъ школъ. Считаю долгомъ представить о семъ на благоусмотрѣніе вашей свѣтлости, прилагая вмѣстѣ и поступившее въ орднунгсгерихтъ по сему дѣлу прошеніе».

Потерявшее давно всякую вѣру въ терпимость и благожеланіе духовенства господствующей церкви и видя въ нѣмцахъ болѣе благородной снисходительности и здравомыслія, чѣмъ въ

своихъ православныхъ соотчичахъ, жители мызы Роель: Михаилъ Григорьевъ Смолкинъ, Семснъ Петровъ Кроховъ и Григорій Михайловъ Оомкинъ, отъ себя и отъ имени общества, принесли покорнѣйшее прошеніе дерптскому орднунгсгерихту и плакались нѣмцамъ такимъ образомъ:

«Побуждаемы крайне жалостнымъ положеніемъ дѣтей нашихъ, лишенныхъ всякаго образованія, по неимѣнію никакихъ учебныхъ заведеній для раскольниковъ, мы осмѣливаемся прибѣгнуть къ оному орднунгсгерихту съ покорнѣйшею просьбою, принявъ въ соображеніе, что дѣти всѣхъ существующихъ въ имперіи вѣроисповѣданій и состояній получаютъ образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ, а наши дѣти въ настоящее время лишены всѣхъ правъ на достиженіе даже и самаго посредственнаго, необходимо нужнаго образованія,—соизволить сдѣлать со своей стороны надлежащее распоряженіе объ исходатайствованіи намъ, гдѣ слѣдуетъ, дозволенія учредить для общества нашего селеній Кикиты и Тихотки, состоящаго изъ 120 дворовъ, въ селеніи Кикитѣ школу, для обученія дѣтей нашихъ первоначальнымъ правиламъ чтенія, писанія и ариметики избираемымъ изъ среды нашей учителямъ.

«Умоляя, не отказать намъ въ нашей покорнѣйшей просьбѣ и уповая на милость и милосердіе высшихъ начальствъ, честь имѣемъ пребывать» и проч. (г. Дерптъ. 25 ноября 1860 года).

Между тѣмъ, по давно усвоенной привычкѣ проводить докучно привязчивую полицію, раскольники, видя, что отъ нихъ уже принимаютъ просьбы о школахъ и такъ сказать, мирволятъ имъ, начали, не дожидая правительственнаго разрѣшенія, то тамъ, то сямъ заводить что-то въ родѣ школокъ.

Нѣмцы, чиновники остзейскаго и гражданскаго управленія, несомнѣнно знали объ этомъ, но мирволили, ибо, къ чести здѣшнихъ нѣмцевъ, они вообще отлично ведутъ себя по отношенію къ религіозной свободѣ раскольниковъ. Генераль-губернаторъ не отказывалъ въ учрежденіи просимыхъ школъ и написалъ преосвященному Платону (23 декабря 1860 года № 4103), вызывая рижскаго архипастыря вѣротершимѣйшей церкви: выразить свое мнѣніе по представленію дерптскаго орднунгсгерихта. Въ своей бумагѣ кн. Суворовъ давалъ очень ясно чувствовать, что самъ онъ склоняется въ пользу удовлетворенія раскольниковъ.

Между тѣмъ о самоволіи раскольниковъ узналъ дерптскій протоіерей Павелъ Алексѣевъ и вошелъ въ сношенія съ высокопреосвященнымъ Платономъ. 18 октября 1860 года за № 1428 отецъ Алексѣевъ уже писалъ преосв. Платону слѣдующее:

«По приказанію вашего высокопреосвященства, чрезъ канцелярію отъ 27 сентября № 507, я лично входилъ въ сношеніе съ директоромъ дерптской гимназіи г. Шредеромъ относительно открытыхъ раскольниками школъ въ деревняхъ Воронѣ и Большихъ Колькахъ, и онъ объявилъ мнѣ, что, по особому положенію сельскихъ школъ въ Лифляндіи, онѣ не подчинены директору, но завѣдываетъ ими особое правленіе, находящееся въ г. Ригѣ, предсѣдателемъ котораго въ настоящее время г. фонъ-Клодтъ, сынъ бывшаго суперъ-интенданта, а потому директоръ не можетъ имѣть вліянія на открытіе или закрытіе сельскаго училища. *Впрочемъ, еслибы, говорилъ г. Шредеръ, послѣдовало начальственное предписаніе ему закрыть раскольническія школы, то онъ съ готовностію исполнитъ оное, хотя, откровенно говоря, не предвидитъ*

*въ этомъ никакой пользы, потому что въ отдаленныхъ селеніяхъ совершенно не можетъ имѣть наблюденія за открытіемъ таковыхъ школъ, и школа, закрытая по его приказанію сегодня, можетъ быть открыта завтра же, и онъ никогда или по крайней мѣрѣ весьма долго не узнаетъ объ этомъ.*

«Послѣ этого объясненія съ г. директоромъ, я имѣлъ разговоръ объ этомъ же предметѣ съ его высокопревосходительствомъ г. попечителемъ, который, подтвердивъ слова директора, присовокупилъ, что если послѣдуетъ отъ меня форменное представленіе къ нему о школахъ, то онъ предпринметъ директору закрыть ихъ, но признаетъ, что это не только не будетъ имѣть важныхъ послѣдствій, но невозможности директору строго наблюдать, чтобы школы не были открываемы вновь, но еще находить, что *это можетъ болѣе усилить ненависть и отвращеніе раскольниковъ къ православнымъ священникамъ*, такъ какъ онъ будетъ дѣйствовать на основаніи требованій православнаго духовенства. Въ предотвращеніе этого зла, г. попечитель полагаетъ удобнѣйшимъ дѣйствовать чрезъ жандармскаго штабъ-офицера, такъ какъ онъ не обязанъ указывать, откуда онъ получилъ извѣстныя свѣдѣнія, и съ другой стороны, требованія его строже будутъ исполняемы земскою полиціею, нежели отношенія какого либо инаго вѣдомства.

«Съ благопокорностію доведя до свѣдѣнія вашего высокопреосвященства вышеизложенные отзывы г. попечителя и директора, осмѣлюсь съ своей стороны представить на благоусмотрѣніе вашего высокопреосвященства, что раскольники въ настоящее время весьма желаютъ открыть у себя школы, даже готовы просить разрѣшенія на это, но соглашаются только, какъ мнѣ извѣстно,

въ рѣшеніи, къ какому начальству обратиться за этимъ, и чрезъ это подчинить себя ему, свѣтскому или духовному, и потому медлятъ подачею прошенія объ открытіи школъ у себя, объ написаніи котораго однажды даже обращались ко мнѣ. При такомъ настроеніи раскольниковъ весьма важно было бы, если бы мѣстная земская полиція строго слѣдила, чтобы они самовольно не открывали школъ, а внушала бы имъ, чтобы они просили о дозволеніи имъ открыть оныя, и что на это послѣдуетъ разрѣшеніе. Чтобы побудить земскую полицію дѣйствовать такимъ образомъ, мнѣ кажется, будетъ довольно, если его свѣтлость г. генераль-губернаторъ выразитъ положительно свое желаніе объ этомъ дерптскому исправнику; officialныя же требованія и предписанія, увеличивая переписки, не принесутъ никакого успѣха.

Рижская община, вожакамъ которой обыкновенно извѣстно почти каждое секретнѣйшее распоряженіе не только мѣстнаго начальства, но и многія тайны синода и государственнаго совѣта, ожидала, чѣмъ разрѣшится это новое исканіе школъ, и сама ничего не предпринимала. Въ іюнѣ 1861 года она узнала отвѣтъ Платона князю Суворову на его бумагу о школахъ для раскольниковъ.

Отвѣтъ этотъ былъ формулированъ (20-го мая 1861 года № 281) слѣдующимъ образомъ:

«Ваша свѣтлость, сообщивъ мнѣ, отношеніемъ отъ 23 декабря прошлаго года за № 4103. ходатайство дерптскаго ордунгсгерихта о дозволеніи раскольникамъ деревень Кикиты и Тихотки учредить первоначальныя школы для обученія дѣтей ихъ чтенію, письму и первымъ правиламъ ариметики, изволите спрашивать, не встрѣчаю ли я съ своей стороны какого либо препятствія къ исполненію означеннаго хода-

тайства раскольниковъ? Признавая притомъ единственно вѣрнымъ средствомъ къ уничтоженію раскола распространеніе грамотности между его послѣдователями и потому находя настоящее ходатайство раскольниковъ вполне заслуживающимъ уваженія, *ваша свѣтлость изволите полагать*, что для достиженія того, чтобы раскольники охотно посылали своихъ дѣтей въ школу, *необходимо назначать учителей изъ среды самихъ же сектаторовъ*, наблюдая при этомъ только, чтобы въ эту должность выбираемы были люди съ достаточными познаніями, примѣрной нравственности и не зараженные фанатизмомъ.

«При обсужденіи сего предмета епархіальнымъ начальствомъ приняты во вниманіе слѣдующія обстоятельства: 1) по существующимъ постановленіямъ касательно учрежденія народныхъ школъ: а) никакое подобнаго рода учебное заведеніе не можетъ быть открыто безъ разрѣшенія мѣстнаго училищнаго начальства, всѣ же частныя учебныя заведенія, въ дерптскомъ округѣ существующія, городскія и сельскія, должны состоять въ вѣдомствѣ директора училищъ той губерніи, въ коей находятся; б) учредители школъ обязаны имѣть при каждой законоучителя, изъ живущихъ въ томъ мѣстѣ или въ сосѣдствѣ священниковъ. и, испрашивая разрѣшенія открыть школу, должны вмѣстѣ съ тѣмъ представлять директору училищъ письменный отзывъ священника, назначаемаго въ законоучители; в) во всѣхъ училищахъ, городскихъ и сельскихъ. всѣ учащіеся безъ исключенія обязаны слушать преподаваніе катехизиса, а не обучаться только чтенію, письму и первымъ правиламъ ариметики; г) въ учителя сельскихъ школъ опредѣляются мѣстнымъ училищнымъ начальствомъ люди всякаго состоянія, не иначе, какъ доказавъ на испытаніи,

что имѣють нужнымъ для сего знанія и способность обучать, причемъ училищное начальство освѣдомляется объ ихъ нравственныхъ качествахъ и поведеніи; стараясь удостовѣриться заранѣе, что они безъ вреда для учащихъ могутъ быть допущены къ исправленію учительской должности; д) въ помѣщичьихъ селеніяхъ училища ввѣряются просвѣщенной и благонамѣренной попечительности самихъ помѣщиковъ, кои могутъ поручать смотрѣніе за оными и другимъ достойнымъ сего благонадежнымъ людямъ по своему выбору, а въ селеніяхъ казенныхъ учебною частію завѣдываетъ учитель, завися непосредственно отъ училищнаго начальства; сверхъ того въ послѣднихъ ближайшій за училищемъ надзоръ поручается благочинному, къ вѣдомству коего принадлежитъ приходъ; е) учителя и въ особенности обучающій закону Божію священникъ, должны также не терять ни въ какомъ случаѣ изъ виду главной, т. е. нравственной цѣли воспитанія. Объясняя ученикамъ своимъ святая истины христіанской вѣры и правила добродѣтели они должны стараться, чтобы ввѣренные имъ дѣти не только безъ затрудненія понимали ихъ наставленія, но и привыкали чувствовать всю важность оныхъ и важность своихъ настоящихъ и будущихъ обязанностей къ Богу, къ себѣ, ближнимъ и постановленнымъ надъ ними властямъ (Высочайше утвержденный 8 декабря 1828 года, уст. учеб. завед. гл. II §§ 4—30 и 309—312); ж) тамъ гдѣ есть жители православнаго исповѣданія запрещается избирать раскольниковъ вредныхъ сектъ въ томъ числѣ и безпоповщинской, въ какія бы то ни было общественныя должности и дозволяется назначать ихъ только въ полѣсовщики, десятскіе и сторожа (Св. Зак. изд. 1857 г. т. III уст. о службѣ

по выборамъ прилож. къ ст. 4182 \*). Сверхъ сихъ общихъ постановленій секретнымъ • циркулярнымъ указомъ святѣйшаго синода отъ 19 октября 1836 года, за № 13023, обязанность обученія поселенскихъ дѣтей въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ есть раскольники, съ Высочайшаго утвержденія, возложена преимущественно на мѣстное духовенство, причемъ объяснено, что а) если раскольники пожелаютъ отдать дѣтей своихъ въ ученіе не иначе, какъ по книгамъ старопечатнымъ или съ старопечатныхъ, изданнымъ въ единовѣрческой типографіи. то принимать ихъ съ симъ условіемъ и обучать по симъ книгамъ и б) учащій долженъ употреблять особенное стараніе, чтобы не смущая дѣтей раскольническихъ и не раздражая родителей ихъ жестокими укоризнами противъ раскола, внушить имъ уваженіе къ православной церкви и къ ея ученію. 3) По существующему въ Лифляндіи положенію обученіе крестьянскихъ дѣтей латышей и эстовъ, лютеранъ и православныхъ ввѣрено также ближайшему надзору мѣстнаго духовенства; причемъ въ лютеранскихъ приходахъ избираются для этого особые попечители (Kirchenvorsteher) изъ среды мѣстныхъ помѣщиковъ. 4) По собраннымъ мною свѣдѣніямъ не только въ Лифляндіи, но и въ великороссійскихъ губерніяхъ весьма трудно между раскольниками найти челоѣка примѣрной нравственности, съ достаточными познаніями для исправленія учительской

\*) Въ послѣднее время, мнѣ кажется, на практикѣ это отмѣнено и я слышалъ, что въ Вилькомірѣ (Ковенской губ.) раскольниками замѣщены должности ратмановъ, бургомистра и добросовѣстныхъ. Мнѣ рассказывали объ этомъ раскольники изъ Риги и Динабурга, но за достовѣрность этого я, разумѣется, ручаться не могу.

Н. Л.—въ.

должности и не зараженнаго фанатизмомъ и 5) грамотные раскольники, по обученіи грамотности, на ней только и останавливаются и никакихъ книгъ, кромѣ церковныхъ да служащихъ въ защиту ихъ заблужденій и притомъ вышедшихъ изъ ихъ только типографій, не читаютъ, а слѣдовательно и цѣль грамотности—образованіе, хотя бы то въ размѣрахъ соответствующихъ быту поселянъ, у нихъ ничуть не достигается, да они и не имѣютъ ея въ виду.

«Сообразивъ вышеизложенныя обстоятельства и постановленія, я полагаю, что нельзя допустить, чтобы въ предполагаемыя школы для обученія раскольническихъ дѣтей опредѣлялись учителями, раскольники по выбору ихъ единомышленниковъ, поелику это 1) явно будетъ противно существующимъ постановленіямъ касательно сельскихъ школъ; 2) послужитъ не къ благотворному просвѣщенію раскольническихъ дѣтей, а къ воспитанію ихъ въ раскольническихъ заблужденіяхъ, потому что наставники изъ раскольниковъ, хотя бы они не были фанатики, безъ сомнѣнія будутъ передавать дѣтямъ только свои мнѣнія и вѣрованія, и ни слова не скажутъ о томъ, чтобы могло служить къ истинному просвѣщенію, котораго они сами не имѣютъ; 3) увеличить между раскольниками число грамотевъ и начетчиковъ, а чрезъ это дать имъ возможность имѣть болѣе наставниковъ и пѣвчихъ въ ихъ моленныхъ, къ утвержденію раскола при томъ 4) обученіе раскольническихъ дѣтей только чтенію, письму и первымъ правиламъ ариметики, безъ обученія закону Божію, который положено преподавать во всѣхъ училищахъ, существующихъ въ російской имперіи, не принесетъ большой пользы раскольническимъ дѣтямъ, которые болѣе всего нуждаются въ религіозно-нравственномъ

образованіи. Поэтому я признаю за лучшее, чтобы 1) въ предполагаемыхъ школахъ учителями были свѣтскія лица православнаго и даже лютеранскаго исповѣданій, имѣющіе достаточное образованіе и хорошей нравственности, по выбору раскольниковъ или того помѣщика, въ имѣніи котораго они проживаютъ и съ утвержденія директора училищъ дерптскаго округа; 2) въ сихъ школахъ раскольническія дѣти обучались не только чтенію, письму и первымъ правиламъ ариметики, но также катехизису и священной исторіи, хотя бы то по старопечатнымъ книгамъ; и 3) сіи школы находились подъ надзоромъ помянутаго директора и мѣстнаго помѣщика.

«Что же касается до того, что раскольники не охотно отдають дѣтей своихъ въ учрежденныя православнымъ духовенствомъ школы, то это больше всего происходитъ, по моему мнѣнію, отъ распространяемыхъ между раскольниками, злонамѣренными людьми, слуховъ будто правительство благосклонно смотритъ на ихъ заблужденія и въ скоромъ времени дозволитъ имъ безпрепятственно строить свои моленные и открывать школы для обученія дѣтей ихъ. Если бы мѣстное гражданское начальство объявило рѣшительно раскольникамъ, что подобнаго рода слухи не имѣютъ никакого основанія и правительство никогда не дозволитъ имъ открывать свои моленные и школы, то раскольники, при нынѣшнемъ стремленіи низшихъ классовъ общества къ образованію, вѣроятно, не стали бы препятствовать своимъ дѣтямъ посѣщать и учрежденныя православнымъ духовенствомъ школы, какъ это нѣкоторые изъ нихъ до сего времени дѣлали и нынѣ дѣлаютъ; напр. въ русскомъ начальномъ училищѣ въ г. Ригѣ въ прошломъ году обучалось 37 рас-

кольническимъ дѣтей обоого пола; въ вспомогательной школѣ въ деревнѣ Колькахъ носовскаго прихода въ за-прошломъ году обучалось 7 раскольническихъ мальчиковъ, а въ прошломъ два.

«Сообщая это вашей свѣтлости, почитаю нужнымъ присовокупить, что, по дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, раскольники, живущіе на Чудскомъ озерѣ, просятъ дозволенія устроить въ деревняхъ ихъ школьные дома не для того собственно, чтобы чувствовали нужду въ школахъ и желали образованія въ нихъ дѣтей своихъ, а для того, чтобы, подъ названіемъ школьныхъ домовъ, имѣть особыя моленные и торжественныя совершать въ нихъ богослуженіе. Именно, одинъ изъ раскольниковъ откровенно сказалъ извѣстному мнѣ человѣку, что «они, раскольники, на самомъ дѣлѣ не нуждаются въ школьномъ домѣ для обученія дѣтей своихъ, потому что ихъ дѣти теперь свободно обучаются и на квартирахъ всему, что имъ требуется. Школьный домъ имъ необходимъ только для помѣщенія моленной. Да и на что намъ, присовокупилъ этотъ раскольникъ, особенная наука, когда немного осталось до кончины міра? Вотъ уже, говорятъ, греки возстаютъ противъ турокъ, которыхъ на этотъ разъ одолѣютъ, а за симъ и страшный судъ». Притомъ вашей свѣтлости извѣстно, что раскольники на Чудскомъ озерѣ распускаютъ молву, будто правительство наше убѣдилось въ истинности ихъ вѣры и скоро дозволить имъ строить моленные, поэтому, если имъ дозволится строить школьные дома и опредѣлять учителей по ихъ избранію, то они, по всей вѣроятности, будутъ указывать на это, къ соблазну православныхъ, какъ на доказательство справедливости помянутой молвы.

«О распоряженіи, какое вашей свѣтлости угодно будетъ сдѣлать въ слѣд-

ствіе настоящаго моего отношенія, благоволите, милостивый государь почтить меня увѣдомленіемъ».

Послѣ этого архипастырскаго отзываніе школъ опять на нѣкоторое время затихло. Рижскіе большаки были вполне увѣрены, что, во что бы то ни стало, они добьются школъ своей общинѣ и потому они не отказались отъ своей мысли, но только отложили ее. А тѣмъ временемъ разыгралась польская исторія, и правительство стало радушно принимать сочувственныя заявленія раскольниковъ. Въ Ригѣ, еще ко дню тысячелѣтія Россіи, было уже нѣсколько филармоническихъ и филантропическихъ затѣй, въ которыхъ принимали болѣе или менѣе участіе раскольники, какъ бы приобщаясь такимъ образомъ къ соревнователямъ отечественнаго просвѣщенія. Тамъ учредились: «Баянъ—русское общество пѣнія и изящнаго говоренія», «Ладо»—женское филармоническое общество, «Клубъ Общество для вспоможенія русскимъ приказчикамъ», «Общественная праздничная русская бібліотека» (въ которую не ходитъ ни одинъ раскольникъ, будто бы за то, что ее освящали православный попъ), «Дневной пріютъ для дѣтей русскихъ рабочихъ при бібліотекѣ» (до сихъ поръ еще, кажется, не утвержденный правительствомъ) и наконецъ—центральное русское общество «Улей». Все это было ведено умно и ловко: раскольникамъ вездѣ позволяли фигурировать. Не знаю имѣлъ ли кто нибудь, что этотъ практической народъ не станетъ хлопотать изъ-за того только, чтобы рисоваться въ залахъ засѣданій и щеголять словоизверженіями, составляющими главную дѣятельность русскихъ ученыхъ и неученыхъ обществъ. Но какъ бы тамъ ни было, а двадцать человѣкъ тузовъ рижской раскольничьей общины, покуртизановъ въ либеральныхъ собраніяхъ

съ разноцвѣтными либералами, зимою 1862 года составили просьбицу и проэктикъ и представили эти бумаги лифляндскому гражданскому губернатору Этингену, котораго они считают безукоризненнымъ человѣкомъ и самымъ благонамѣреннымъ чиновникомъ во всемъ остзейскомъ краѣ \*). Просьба была объ учрежденіи при Гребенщиковскомъ заведеніи сиротскаго дома на пятьдесятъ дѣтей съ училищемъ для обученія сиротъ, до сдачи ихъ въ науку ремесленникамъ и купцамъ. На этотъ

\*) Популярность губернатора Этингена очень велика не только у рижскихъ, но и у всѣхъ остзейскихъ раскольниковъ. Она особенно возросла съ тѣхъ поръ, какъ г. Этингенъ отстаивалъ право общины обривизовать финансовую дѣятельность выпѣшняго попечителя Петра Андреевича Пименсва. Общій голосъ уѣзреть, что разрѣшеніе, данное Этингеномъ на обривизованіе книгъ депутаціею, составленною изъ четырехъ членовъ общины, отмѣнено распоряженіемъ барона Ливена, по ходатайству попечителя, назначаемаго правительствомъ, кажется только потому, что ходатайство это шло не черезъ попечителя и такимъ образомъ здернуло его щекотливое самолюбіе. Но въ средѣ добывающихся ревизіи ходатайство этого попечителя съ отмѣнѣн разрѣшенія, даннаго г. Этингеномъ, объясняется такими побужденіями, что попечитель отъ правительства, человѣкъ, кажется, весьма чистый отъ бросаемыхъ на него подозрѣній, теперь самъ бы долженъ просить немедленнаго разрѣшенія ревизіи книгъ и всего хозяйственнаго управленія общественнымъ имуществомъ. Не говоря о томъ, что это требованіе совершенно справедливо и законно, исполнить его необходимо даже въ видахъ огражденія репутаціи правительственнаго попечителя отъ неблаговидныхъ и, вѣроятно, совершенно несомнѣтельныхъ нареканій. Если этотъ чиновникъ не имѣлъ никакихъ другихъ побужденій противодействовать разрѣшенію г. Этингеномъ ревизіи, то онъ сдѣлалъ огромную ошибку, давъ волю своему щекотливому самолюбію. Въ его положеніи это непростительно и ему это врядъ ли скоро простятъ, если онъ не найдетъ средствъ все хоршевько поправить.

пріютъ съ училищемъ были собраны деньги, всѣ были увѣрены, что измѣнившіяся отношенія правительства къ расколу устранять прежнія основанія къ отказамъ; но въ пріютѣ и училищѣ однако снова отказано. Это огорчило и обезкуражило всю рижскую общину и особенно Ломоносова, жертвовавшего на это дѣло шесть тысячъ рублей и Бѣльева, который изъ своихъ скудныхъ средствъ, то назначилъ на школу цѣлую тысячу рублей \*\*).

Я пріѣхалъ въ Ригу въ дни самаго высшаго сѣтованія на этотъ отказъ. Раскольники были не только огорчены, но и разсержены. Въ это время они не хотѣли ни о чемъ рассуждать и вообще были очень далеки отъ способности вѣрять во всякую возможность чего нибудь вымолить у правительства. «Все надо бросить, нечего воду толочь, да злить свое сердце», говорили они отчаянно. Я все слушалъ терпѣливо. Въ баронѣ Ливенѣ встрѣтилъ пріятное убѣжденіе въ совершенной необходимости особыхъ школъ для раскольниковъ и готовность ходатайствовать объ этомъ у правительства. Въ канцеляріи генераль-губернатора я занимался выписками. Всѣ мои столкновенія съ официальными лицами съ перваго шага въ Ригу пошли прекрасно и не измѣнялись до самаго выѣзда оттуда. Даже онѣ становились все лучше и лучше. Изъ людей, особенно любезно содѣйствовавшихъ мнѣ въ мо-

\*\*) Когда составлялась эта записка, изъ Риги пришло извѣстіе, что жандармскій полковникъ Андреяновъ учредилъ рижскимъ раскольникамъ книгу на записку пожертвованій въ пользу ожидаемой школы и что подписка идетъ чрезвычайно успѣшно. Ломоносовъ записалъ 5 т., Бѣльевъ тысячу, экономот общины Тузовъ тысячу, Ап. Поповъ оба по сту рублей въ годъ. Но деньги всякій еще хранитъ у себя, боюсь, чтобы съ ними не сдѣлали чего другого.

ихъ архивныхъ работахъ, могу назвать правителя канцеляріи г. Тидебеля, управляющаго хозяйственною частью—чиновника Дембовецкаго, архиваріуса—г. Гоге и полковника Андреянова,— послѣдній оказывалъ мнѣ даже небольшія услуги. Чиновниковъ, кажется, нисколько не занимаетъ все касающееся раскола и знакомство ихъ съ русскимъ сектаторствомъ ограничивается нѣсколькими заграничными брошюрами о расколѣ.

Письма, взятая мною изъ Петербурга, почти ни къ чему мнѣ негодились. Люди, важные по мнѣнію петербургскихъ раскольниковъ, оказались людьми плохенькими, ничтожными и не имѣющими ни собственныхъ убѣжденій, ни вѣса въ обществѣ, ни рѣшимости что нибудь дѣлать. Это было очень непріятно. Раздраженіе, вызванное подоспѣвшимъ къ моему приѣзду отказомъ въ разрѣшеніи школы, еще болѣе увеличивало мои затрудненія. Я боялся дискретировать себя сношеніемъ съ чиновниками и не могъ избѣгать этихъ сношеній. Хотя я и мало дорожилъ архивными матеріалами, зная, что стоитъ войти въ довѣріе у раскольниковъ, и я буду имѣть всѣ эти свѣдѣнія; но вниманіе барона Ливена и общая услужливость со стороны гг. Гоге, Дембовецкаго и Андреянова не позволили мнѣ устроить себѣ инкогнито. Я поговорилъ съ барономъ Ливеномъ и высказалъ ему желаніе уйти изъ города на русскій форштадтъ, баронъ Ливенъ былъ совершенно согласенъ со мною. Я познакомился съ Ломоносовымъ, и онъ, довеза меня въ своемъ экипажѣ до отеля, штудировалъ меня цѣлую ночь. Утромъ онъ хотѣлъ пріискать мнѣ квартиру, но вмѣсто того въ 11 часовъ пришелъ съ Бѣляевымъ и экономомъ Гребенчиковскаго заведенія Іоною Тузовымъ. Опять шу-

дировали меня, а о квартирѣ ни слова. Завтра опять то же и послѣ завтра то же. Я видѣлъ, что мнѣ не вѣрятъ; не понимаютъ моей миссіи; что такая цѣль странна для людей, привыкшихъ къ шпионамъ. Я все терпѣлъ покойно и давалъ щупать себя, какъ хотѣли, отвѣчая на все прямо и откровенно, не прикидываясь ни либераломъ, ни правительственнымъ агентомъ. Правда взяла свое. Наконецъ меня перевезли на московскій форштадтъ, но не на особую квартиру, а въ домъ эконома Іоны Ѳедотовича Тузова. Я не далъ замѣтить, что понимаю мой почетный арестъ, и поселился жить подъ полицейскимъ надзоромъ моего хозяина. Полная откровенность дѣйствій скоро уничтожила всѣ опасенія: два мѣсяца мы прожили съ Ломоносовымъ, Бѣляевымъ, Волковымъ и Тузовымъ въ самой тѣсной пріязни. Въ свое время я писалъ лицу, поручившему мнѣ сдѣлать эти изысканія, что вожакъ партіи, враждебной Ломоносовской, Петръ Андреевичъ Пименовъ (нынѣшній попечитель), даже избиралъ меня быть ихъ примирителемъ. Съ «отцами духовными» я тоже сошелся и заслужилъ у нихъ мнѣніе, довольно выгодное для меня, «еретиканововѣра» и еще «табачника».

Но шли дни съ жирными обѣдами и задушевыми бесѣдами, а я узнавалъ очень мало. «Погоди», отвѣчали мнѣ. «Съ лѣтамъ все узнаешь». Я сидѣлъ въ архивѣ, ѣздилъ съ раскольниками за городъ, на общественную мызу Гризенбергъ со всѣми сталъ какъ свой, а по вечерамъ и ночамъ таскался въ черныя дыры раскольниковьяго пролетаріата, гдѣ узнавалъ мало новаго къ вопросу о школахъ, но нашелъ много вещей, необыкновенно интересныхъ въ беллетристическомъ отношеніи. Все шло отлично, но главнаго — потаенныхъ школъ и секретныхъ учебниковъ я все

таки не видѣлъ. «Погоди», да «съ лѣтамъ узнаешь», отвѣчали мнѣ на мои распросы. Зная раскольничьи нравы, я не настаивалъ и не напрашивался, а въ послѣднихъ числахъ іюля сталъ говорить объ отъѣздѣ. Такимъ образомъ исключалась возможность познакомить меня съ школами «съ лѣтамъ», а нужно было сдѣлать это немедленно или уже совсѣмъ не дѣлать. Я узналъ, что раскольники уже крѣпко увѣрены, что я пріѣхалъ не для какого нибудь злаго дѣла и ничѣмъ не рисковалъ. Въ крайнемъ случаѣ я могъ оставаться подъ множествомъ весьма уважительныхъ предлоговъ. Въ это время Ломоносовъ видимо колебался: вести ли меня въ школу, или нѣтъ? Наконецъ, взятый мною одинъ разъ, шутя, въ распахъ, повелъ. Получивъ доступъ въ секретную школу, я пересталъ говорить объ обратной поѣздкѣ и, отложивъ ее, остался въ Ригѣ еще на двѣ недѣли.

Вотъ что я вынесъ изъ моего знакомства съ лучшею изъ потайныхъ раскольничьихъ школъ въ остзейскомъ краѣ.

Школа находится на московскомъ предмѣстїи, на пескахъ, возлѣ такъ называемаго «Стараго Андрея», въ небольшомъ домикѣ Аллилуева, № 43. Она помѣщается въ трехъ очень небольшихъ, но свѣтлыхъ и довольно чистыхъ комнатахъ, за наемъ которыхъ платить Ломоносовъ. Въ одной, самой большой изъ этихъ трехъ комнатъ, живетъ учитель, мѣщанинъ Маркіанъ Емельяновъ (по уличному прозванію «Марочка»), и его жена; во второй учатся мальчики, а въ третьей дѣвочки. Въ настоящее время въ школѣ учатся двадцать два мальчика и одиннадцать дѣвочекъ. Мальчиковъ учитъ самъ Марочка, а съ дѣвочками, яко бы подъ его наблюденіемъ, занимается его жена. За обученіе дѣтей, такъ же, какъ и за

наемъ школы, платитъ Григорій Семеновичъ Ломоносовъ съ какимъ-то участіемъ Бѣляева. Никакихъ общественныхъ сборовъ на эту школу не производится, частію по неудобству разглашать о существованіи секретной школы, частію же потому, что г. Ломоносовъ не нуждается ни въ чьемъ денежномъ содѣйствіи, и, наконецъ, кажется, всего болѣе потому, чтобы избѣжать непріятныхъ столкновеній съ духовенствомъ, въ которомъ нѣтъ недостатка въ каждой неотесанной общинѣ и тѣмъ паче въ общинѣ раскольничьей. Этого захочешь избѣжать вездѣ, а особенно въ Ригѣ, гдѣ кипитъ непримиримая злоба двухъ раскольничьихъ партій: *демократической*, эксплуатируемой Пименовымъ, какъ бы въ назиданіе людямъ, почитающимъ поголовную подачу голосовъ за послѣднюю форму европейской цивилизаціи, и *аристократической*, во главѣ которой стоятъ Ломоносовъ, Бѣляевъ, Тузовъ, Волковъ, Великановъ и еще человекъ двадцать, способныхъ понимать, чѣмъ отличаются свѣтки отъ простой маленькой рыбки. Теперь дѣло школы идетъ просто, по-русски, безъ всякихъ формальностей. Найдеть Ломоносовъ или Бѣляевъ скитающагося сиротку,—погладить ребенка по макушечкѣ и отоплечь въ школу, приговаривая: «ходи, учись,—умникъ будешь, человекъ будешь». Приведеть мать или сестра ребенка,—опять то же самое: никакихъ разговоровъ, ни распросовъ: «веди его къ Марочкѣ», и всего разговора столько. А тамъ уже Марочка всѣхъ принимаетъ и лишь въ счетѣ, подаваемомъ Ломоносову разъ въ четыре мѣсяца, пишеть: «по благоволенію Григорія Семеновича Ломоносова поступило учениковъ съ 1 января 1863 года по 1 мая:

Января 1. Ефимъ Марковъ (сынъ вдовы)

Марта 1. Григорій Филиповъ (сынъ вдовы)

› › Артемій (неимущій)

› › Сидоръ (сынъ вдовы)

› › Павелъ (ни отца, ни матери)

Апрѣля 6. Авдотья (сирота круглая) и такъ далѣе.

Штата опредѣленнаго нѣтъ, школа принимаетъ всякаго, хотящаго учиться, и выпускаетъ всякаго, нашедшаго какое нибудь другое занятіе. Оттого цифра учениковъ и ученицъ Марочки постоянно колеблется. Раскольники, за весьма рѣдкимъ исключеніемъ, о которомъ не стоитъ даже и упоминать, вообще не признаютъ никакой пользы въ болѣе или менѣе основательномъ образованіи и даже рѣдко даютъ своимъ дѣтямъ изчерпывать до дна глубину премудрости, сидящей подъ пьянымъ черепомъ Марочки. Круглые сироты остаются долѣе, пока или Марочка не скажетъ, что ученикъ «отучился», или меценатъ— Ломоносовъ не опредѣлитъ его куда нибудь къ купцу или ремесленнику. Вообще въ школу отдаютъ не *выучиться*, а, по здѣшнему мѣстному выраженію, «мало-мало *подъучиться*». Чуть ребенокъ началъ скоро читать и выводить каракули—курсъ конченъ, «къ дѣлу» его. ибо ученье вовсе не дѣло, а такъ, что-то нужное, и ненужное. Богъ знаетъ, что оно такое! Въ школѣ Марочка учитъ читать по церковно-славянскимъ букварямъ русской печати, псалтырю и часовнику. Жена его учитъ тому же самому дѣвочекъ. Кромѣ того Марочка, бывшій до женитьбы пѣвчимъ въ моленной, учитъ дѣтей тянуть нараспѣвъ «началь» по старой «столповой» методѣ (*cantus planus*), а нѣкоторыхъ, имѣющихъ хорошіе голоса (какъ, напримѣръ, мальчика Филиппа), учитъ трудному «демественному» пѣнію по крюкамъ. Такимъ то образомъ приготовляются новые пѣвцы въ пѣвческой хоръ мо-

ленной, которому полиція препятствуетъ формироваться, и который все-таки не оскудѣваетъ. Болѣе Марочка ничему не учитъ и учить не можетъ, ибо самъ ничего не знаетъ. Дѣтей здѣсь даже не учатъ чтенію гражданской печати, находя это совершенно излишнимъ. Говорятъ: «этому они сами научатся: намъ бы только подѣучить и довольно». Марочка мужикъ не глупый и не рьяный фанатикъ, мнѣ даже удалось его урезонить, что дѣтямъ полезно было бы читать и объяснять священную исторію, и онъ выразилъ сильное желаніе заняться этимъ, но новыхъ руководствъ съ именемъ Христа, написанныхъ черезъ два *и*, они не могутъ дать дѣтямъ, а старыя евангеліи и особенно библіи продаются чуть-чуть не на вѣсъ золота. Вообще книги раскольничьи, печатаемыя за границею, всё очень дороги: такъ напримѣръ десятокъ азбукъ въ оптовой покупкѣ стоитъ три рубля, часовникъ отъ 4 р. 50 коп. до 6 рублей, псалтыри еще дороже. А во всѣхъ этихъ книгахъ ровно нѣтъ ничего противнаго духу господствующей церкви и достать ихъ всегда можно столько, сколько пожелаютъ. Св. Синодъ совершенно напрасно упускаетъ солидную статью дохода, который ему могла бы дать продажа древлепечатныхъ книгъ, не содержащихъ въ себѣ ничего противнаго христіанскому ученію. Если ему неудобно дозволить печатанье ихъ въ своихъ книгопечатницахъ, то можно бы очень выгодно уступить право изданія такихъ книгъ еретикамъ, избавивъ такимъ образомъ послѣднюю страницу изданія отъ дурно цѣнимой еретиками приписки о почіющемъ на книгахъ благословеніи Синода, а приходскихъ священниковъ отъ соблазна, поддерживаемаго слабостью раскольниковъ выкупать у духовенства книги, забранныя у нихъ правительствомъ. На Литвѣ

уже это теперь очень гласно дѣлается: какъ-то, будто даже и зазорно становится въ интересахъ православія.

Въ самомъ преподаваніи Марочки нѣтъ никакой системы. По моему, жена его гораздо лучше учить, чѣмъ онъ самъ. По крайней мѣрѣ она не считаетъ обязанностью орать на дѣтей зычнымъ голосомъ, и ея ученицы читаютъ ничуть не хуже учениковъ ея сожителя, а смотрятъ несравненно смѣлѣе и смысленнѣе. Въ школахъ этой, какъ уже сказано, довольно часто мѣняется комплектъ учениковъ, но Марочка не стѣсняется учить ихъ всѣхъ разомъ: у него учащіеся букварю сидятъ о бокъ съ проходящими псалтырь, а тѣ съ учащими часовникъ, и какъ всѣ читаютъ вслухъ, то выходитъ такое безобразнѣйшее попури, что нельзя надивиться, какъ раскольничій педагогъ можетъ въ немъ что нибудь услѣдить и понять. Къ этому еще надо прибавить, что по дороговизнѣ книгъ не у каждаго ребенка есть своя книга, и они или вдвоемъ лупятъ по одной книжкѣ въ перегонку, или передаютъ другъ другу, бессмысленно останавливаясь на концѣ страницы, хотя бы страница закончилась серединою фразы. Напрасно кто-нибудь спросилъ бы марочкина ученика: «разумѣши ли, яже чтеши?» Никто ничего не понимаетъ, а болтаетъ какъ попугай и нудится этою тяжелою наукою, неспособною нисколько интересовать учащагося. Ученики одѣты бѣдно, во что попало, большая часть босикомъ, но особенной нечистоты нѣтъ. Когда я впервые вошелъ въ школу, тамъ стоялъ гуль,—словно молодой рой отроился. Это дѣти выкрикивали какъ евреи въ шабашъ. Жена Марочки стояла съ чулкомъ у окна у дѣвочекъ, а Марочка, изрядно пьяный, валялся на лежанкѣ въ своей комнатѣ и сильно растерялся. Вообще онъ человѣкъ, ко-

торому нельзя довѣрить воспитаніе дѣтей, и все, что я о немъ слышалъ, нисколько не говоритъ въ пользу его педагогическихъ способностей, но у раскольниковъ «по нуждѣ» все терпится. Школа Марочки интересна какъ секретъ и какъ образчикъ раскольничьихъ школъ, исчезнувшихъ вслѣдствіе правительственнаго преслѣдованія. Изъ встрѣчъ со многими воспитанниками этихъ школъ и изъ самыхъ чистосердечныхъ разговоровъ съ ними я убѣдился, что ихъ учили только тому, чему учить своихъ учениковъ Марочка: всѣ они пишутъ безграмотно, не знаютъ ни грамматики, ни географіи, ни священной исторіи, не знаютъ даже основаній своего толка и спорныхъ пунктовъ съ господствующею церковью. Школа Марочки учрежденіе вполне ничтожнѣйшее, но имѣетъ огромное отрицательное значеніе. Она ясно убѣждаетъ въ негодности школъ, устраиваемыхъ самими раскольниками, безъ руководства людей просвѣщенныхъ. Видя въ ней новое повтореніе стертыхъ съ лица земли старыхъ школъ, становится несомнѣннымъ, что нужно заботиться не о возрожденіи этихъ школъ, какъ кажется многимъ «прельстившимся соніями» и забывшимъ, что «безъ лжи совершится законъ и премудрость»; а учредить школы новыя, съ новыми людьми за учительскими столами и съ новыми книгами стародавняго содержания, но учредить ихъ такъ, чтобы въ цѣломъ курсѣ ученія, цѣлесообразномъ требованіямъ здоровой педагогикі, не было ничего оскорбляющаго и порицающаго отеческія преданія старовѣровъ. Нужно учредить такія школы, чтобы онѣ были по нраву безъ различія большому числу старовѣровъ различныхъ толковъ и особенно наиболѣе распространенныхъ. Для этого, по моему мнѣнію, въ школахъ вовсе не нужно

преподавать никакого катехизиса и церковной истории, а весь курсъ религіознаго образованія ограничить изученіемъ священной исторіи, по нарочно составленному учебнику. Терпѣть Марочкину и другія ей подобныя школы, какъ ихъ благородно терпитъ нынѣшній генераль-губернаторъ прибалтійскаго края, пока правительство относится къ этому дѣлу такъ, какъ оно къ нему теперь относится, весьма резонно. Мнѣ извѣстно, что баронъ Ливенъ знаетъ о существованіи секретныхъ школъ, но не считаетъ нужнымъ ихъ преслѣдовать. «Пусть лучше чему нибудь учатся», сказалъ онъ мнѣ, прощаясь со мною передъ отъѣздомъ своимъ изъ Риги. Подчиненные барона Ливена хорошо повимають его политику, но въ школу Марочки дѣти до сихъ поръ входятъ по одному, да по два и также выходятъ, чтобы не дать полиціи подозрѣнія о существованіи школы. Не можетъ быть, чтобы падкая на наблюденія за раскольниками полиція до сихъ поръ не пронюхала существованіе Марочкиной школы, но ясно, что, зная генераль-губернаторскій взглядъ на это дѣло, она не смѣетъ приложить рукъ къ Марочкиной профессіи.

Это, повторяю, совершенно понятно. Но желаніе «прельщенныхъ соніями» разрушить такія школы и отдать ихъ въ такомъ то видѣ подъ опеку министерства народнаго просвѣщенія было бы въ высшей степени не современно. Что касается до меня, то я рѣшительно отвергаю всякую возможность представить образовательную инициативу необразованному расколу. Изъ этого кромѣ шутовства ничего не выйдетъ, точно такъ же, какъ ничего не выходитъ изъ приглашенія раскольниковъ въ общія школы, за порогъ которыхъ можетъ свободно переступить нога попа господствующей церкви.

Учрежденіе такихъ школъ не представляетъ ни особенныхъ затрудненій и никакой опасности. Для нихъ можно, частію взять въ образецъ открытое при мнѣ «приходское училище при единоувѣрческой церкви св. Михаила Архангела въ Ригѣ», а частію кое что измѣнить въ программѣ. Самое названіе этой школы свидѣтельствуетъ, что она не общая, а исключительно старовѣрская школа, но между тѣмъ она существуетъ съ вѣдома правительства; она не запрещена, слѣдовательно она доволена. А если старовѣры, принявшіе архіерейское благословеніе, не хотятъ мѣшать своихъ дѣтей съ православными и учреждаютъ особую школу, то какъ же добиваться, чтобы старовѣры, не принимающіе архіерейскаго благословенія, пустили своихъ дѣтей въ общія школы? Я здѣсь не вижу ни послѣдовательности, ни... всего другаго, даже осторожности и любви къ родинѣ и ея спокойному развитію.

Школа при единоувѣрческой церкви завелась очень просто. Нѣкто г. Гутковъ, бывшій нѣкогда лекторомъ латышскаго языка при рижской православной семинаріи и имѣющій дипломъ на степень домашняго учителя, давно занимался обученіемъ купеческихъ дѣтей на московскомъ предмѣстьи. Его знаютъ всѣ отъ архіерея Платона до послѣдняго пильщика съ двинской набережной, и раскольники считаютъ его своимъ человѣкомъ. Когда шло дѣло о школахъ, до послѣдняго отказа, то они очевидно прочли его себѣ въ учителя, и онъ ждалъ этого. Но, когда дѣло рушилось обычнымъ отказомъ въ управѣ «поучить дѣтей по древнимъ книгамъ», Гутковъ сошелся съ обществомъ старовѣровъ благословенной церкви и, по праву приходскаго или домашняго учителя, открылъ упомянутое училище. У него еще очень немного учениковъ, но онъ

прекрасно устроилъ свою школу въ помѣщеніи, отведенномъ ему во дворѣ единовѣрческой церкви. Школы Гуткова ни въ какомъ отношеніи нельзя сравнивать съ школою Марочки: это дѣйствительно школа и Гутковъ дѣйствительно приходскій учитель. Одно только дурно, что по семинарской привычкѣ онъ бьетъ дѣтей «по пальчикамъ», но въ самомъ расположеніи школьной комнаты, рассадкѣ дѣтей, по манерѣ объяснять: словомъ во всѣхъ приемахъ виденъ учитель опытный и способный. Я дѣлалъ многимъ изъ его учениковъ разные вопросы и въ каждомъ отвѣтѣ видѣлъ толковость, дѣлающую хорошую рекомендацію способностямъ учителя. А этого самаго Гуткова рижскіе старовѣры — безпоповщинскіе охотно бы приняли въ то время, когда они ждали отвѣта на свою послѣднюю просьбу.

Въ программѣ, составленной Гутковымъ, въ училищѣ при старовѣрской благословенной церкви предположено проходить слѣдующіе предметы:

1. *Законъ Божій.*

- а) Молитвы.
- б) Священная исторія.

2. *Русскій языкъ.*

- а) Практическо-грамматическія правила русскаго языка.
- б) Правильное и четкое чтеніе по-русски.
- в) Русское чистописаніе.

3. *Ариметика.*

- а) Первые четыре правила простыхъ и именованныхъ чиселъ.
- б) Дроби и тройныя правила.

4. *Нѣмецкій языкъ.*

- а) Правильное и четкое чтеніе по-нѣмецки.
- б) Изученіе наизусть нѣмецкихъ словъ.

в) Словесные и письменные переводы съ легкихъ фразъ и далѣе.

г) Нѣмецкое и латинское чистописаніе.

5. *Рисованіе* (моделей, плановъ и ландшафтовъ).

6. *Церковное пѣніе и славянское чтеніе.*

7. *Обозрѣніе географіи и всеобщей исторіи.*

Училище будетъ состоять изъ двухъ отдѣленій.

Я имѣю основаніе думать, что это училище въ своемъ ограниченномъ мѣрѣ принесетъ очень много пользы и притомъ не стоя правительству ни одного гроша.

Несомнѣнно, что такое же точно училище Гутковъ устроилъ бы и для безпоповщинскихъ раскольниковъ, если бы имъ это было разрѣшено, и дѣти изъ этого училища вышли бы далеко лучшими гражданами, чѣмъ изъ школы безграмотнаго и вѣчно пьянаго экспѣвчаго Марочки, а родители ихъ питали бы совсѣмъ иныя чувства къ правительству, которому они если и не дѣлаютъ зла, то и наврядъ ли желаютъ много добра. Они не станутъ вредить ему теперь, но, какъ полагаетъ полковникъ Андреяновъ, могутъ при случаѣ взять и не его сторону, а полковнику Андреянову это ближе знать, чѣмъ мнѣ или кому нибудь другому. Во всѣхъ воззрѣніяхъ на тенденціи раскола я, не стѣсняясь полемическими спорами послѣдняго времени, искренно раздѣляю мнѣнія П. И. Мельникова, единственнаго, по моему мнѣнію, безпристрастнаго, современнаго писателя о расколѣ, и такъ-же, какъ онъ, я рѣшительно не вѣрю въ способность раскольниковъ къ открытому возстанію. Не вѣрю я этому потому, почему не

вѣрю въ революціонныя движенія парижскихъ эпископовъ. Но, приводя себя на память ихъ повсемѣстный ропотъ противъ правительства, припоминая исторію, случившуюся въ Ригѣ при отбираніи метрическихъ книгъ изъ молельной, когда все предметіе было чуть-чуть не въ осадномъ положеніи обща, наконецъ, вниманіе на то, что при самомъ приглашеніи раскольниковъ къ подписанію сочиненнаго отъ ихъ имени вѣрноподданческаго адреса, въ ихъ средѣ поговаривали: «мы внѣ закона, намъ нельзя подавать адреса»—я готовъ думать, что раздражать раскольниковъ въ угоду духовенству господствующей церкви рѣшительно не слѣдуетъ. Отцы нашей церкви, совершенно разошедшіеся въ своихъ взглядахъ съ обществомъ просвѣщеннымъ и вовсе непросвѣщеннымъ народомъ, врядъ ли могутъ прорѣчь все, что можетъ случиться. Въ государственныхъ же интересахъ разрѣшеніе либеральнаго стремленія «поучить своихъ дѣтей по старопечатнымъ книгамъ» не можетъ вести за собою ничего, кромѣ общественнаго сочувствія, которымъ сильно правительство—раздробившейся на тѣмы сектъ—Великобританіи.

Послѣ всего мною сказаннаго считаю обязанностью изложить мое личное мнѣніе о томъ, что бы слѣдовало правительству сдѣлать въ виду нынѣшнихъ неотступныхъ ходатайствъ раскольниковъ объ открытіи для нихъ особыхъ общественныхъ школъ.

1) Я убѣжденъ, что всѣ усилія склонить раскольниковъ къ начальному обученію ихъ дѣтей въ общихъ школахъ съ православными будутъ напрасны. Ни мягкія мѣры, ни крутыя, къ которымъ, кажется, правительство уже не намѣрено болѣе обращаться, одинаково

не принесетъ никакой пользы. Первыя сдѣлаютъ смѣшное и во всѣхъ отношеніяхъ выгодное фіаско, а вторыя только поддержать двухвѣковое упорство и сдѣлаютъ враговъ изъ людей, готовыхъ нынче забыть правительству всѣ свои обиды.

2) Въ этой самой мѣрѣ я убѣжденъ, что единственный способъ выйти хорошо изъ положенія, въ которое ставитъ правительство раскольниковъ домогательство особыхъ школъ—какъ можно скорѣе разрѣшить учрежденіе такихъ школъ.

3) Особыя школы нужны только для первоначальнаго обученія (приходскія), а раскольниковъ дѣтей, поступающихъ въ уѣздныя училища, гимназіи и высшія учебныя заведенія, слѣдуетъ поставить въ такое же независимое положеніе отъ православнаго законоучителя, въ какомъ находятся дѣти лютеранъ, католиковъ, кальвиновъ и вообще христіанъ неправославнаго исповѣданія, обучающіеся въ русскихъ гимназіяхъ, лицейхъ и университетахъ. Нужно освободить ихъ отъ слушанія уроковъ закона Божія и бѣгословскихъ лекцій, освободивъ въ то же время и отъ испытанія по этимъ предметамъ.

4) Въ видахъ справедливости необходимо немедленно разрѣшить раскольникамъ сдавать установленные экзамены на званіе приходскихъ учителей; а если это опять найдутъ невозможнымъ, то не лучше ли оставить все, какъ оно есть, и ничего не дѣлать, ибо изъ всѣхъ половинныхъ дѣйствій выйдетъ только полный неуспѣхъ.

и 5) Я признаю не только бесполезными, но положительно вредными всякія полумѣры и не предвижу никакого добра, если необходимыя, по моимъ соображеніямъ, уступки раскольниковымъ мольбамъ о школахъ будутъ дѣлаться не разомъ, а въ извѣстной постепен-

ности, по частямъ, одна за другою. Постепенность—вещь въ нѣкоторыхъ случаяхъ прекрасная, но у насъ ее такъ боятся и такъ мало вѣрятъ въ благія продолженія слабо выражающихся во внѣшности благихъ начинаній, что реформы, вводимыя постепенно, по деталямъ, встрѣчаются у насъ съ злобною насмѣшкою, какъ фикціи, которыми отводятъ глаза народа. А не должно забывать, что раскольники народъ вообще чрезвычайно тонкій и практический, и они очень хорошо понимаютъ выгодныя стороны положенія людей, имѣющихъ право жаловаться на угнетенія. Они возьмутъ частицу уступокъ, воспользуются ею, но никогда не перестанутъ плакаться на недостатокъ удержанной доли просимой свободы. Они будутъ охотно поддерживать этимъ въ молодомъ поколѣніи ту ненависть и презрѣніе къ церковникамъ-никоніанамъ, о которой говоритъ авторъ исторіи Преображенскаго кладбища. Гоненіе тоже есть сила. Смѣшно утверждать, а можно положительно сказать, что раскольники плачась на свою долю, нерѣдко смотрятъ на всѣ эти странныя гоненія, какъ на раны, которыми облегчается внутренній недугъ организма. Многіе это такъ именно и понимаютъ и любятъ свои гоненія, какъ худосочные люди любятъ свои раны. Раскольники, привыкнувъ красоваться синими рубцами, настеганными на груди «древляго благочестія», кажется, не будутъ знать, что дѣлать, когда заживутъ эти рубцы страданія. Одинъ самый разсудительный и дальнзоркій изъ рижскихъ «отцевъ», слушая какъ-то разговоры о расширяемой понемножку свободѣ совѣсти, сказалъ: «Охъ, не зашибла-бъ насъ эта свобода больнѣе гоненія. Противъ гоненій-то мы обстоялись, а противъ свободы-то Богъ знаетъ, какъ стоять будемъ». Но, расширяя права раскольни-

ковъ, хоть бы и въ одномъ учебномъ вопросѣ, нельзя обходить чегонибудь, полагая, что—«это важно, этого и довольно, а это не такъ важно, и безъ этого они могутъ обойтись»,—нужно, какъ говорится, съѣсть съ раскольниками по крайней мѣрѣ три пуда соли вмѣстѣ, чтобы понимать, какъ этотъ народъ, выросшій на спорѣ о мелочахъ, высоко цѣнить каждую мелочь и придирается ко всему съ ядовитымъ крючкотворствомъ французскаго судьи. У нихъ и «нужда измѣняетъ законъ», и все, стало-быть, возможно «нужды ради»; но и «еще праведникъ согрѣшитъ, не помянутся всѣ правды его». Нужно непремѣнно отнять у нихъ всякую возможность жаловаться на неравноправіе передъ закономъ и въ особенности на недоступность образованія, тѣмъ болѣе, что это въ настоящее время какъ нельзя болѣе легко и удобно.

Относительно устройства просимыхъ раскольниками школъ, мнѣ кажется, нужно поступить такимъ образомъ:

1) Определить мінімумъ общества, которое имѣетъ право просить объ открытіи школы.

Мнѣ частнымъ образомъ извѣстно, что въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ есть соображенія о томъ: изъ какого числа душъ должно состоять раскольничье общество, имѣющее право на учрежденіе моленной. Можетъ статься эти соображенія, въ извѣстной соразмѣрности, можно бы примѣнить и къ вопросу о школахъ.

2) Дозволить открыть училища на общемъ основаніи приходскихъ школъ съ подчиненіемъ ихъ прямому наблюдению мѣстной дирекціи училищъ, какъ это было въ Ригѣ, до закрытія школы при Гребенщиковскомъ заведеніи.

3) Всякое иное вліяніе стороннихъ вѣдомствъ на эти школы совершенно устранить, ибо это ни къ чему не по-

ведеть, кромѣ жалобъ съ одной стороны; придинокъ съ другой и непрерывныхъ неприятныхъ столкновений чиновниковъ двухъ различныхъ вѣдомствъ, а дитя у семи нянекъ будетъ безъ глаза.

4) Содержаніе школъ предоставить самимъ общинамъ, не требуя на нихъ никакой правительственной субсидіи, ибо, въ общемъ, эта субсидія значительно обременяетъ государственный бюджетъ, а въ частности—для каждой школы принесетъ очень мало пользы. Средства, отпускаемые правительствомъ на содержаніе приходскихъ школъ, такъ миниатюрны, что раскольничьи общины никогда не посѣтуютъ на лишеніе ихъ этихъ субсидій. Пожалуй, по нѣкоторымъ соображеніямъ, они, чего добраго, будутъ еще очень рады отъ нихъ освободиться.

5) Преподаваніе въ приходскихъ раскольничьихъ школахъ вѣрять только людямъ, имѣющимъ установленные дипломы.

6) Имѣя въ виду, что раскольники ставятъ какъ *conditio sine qua non*, чтобы за общинами было признано право избирать учителя для своей школы и представлять своего избранника на утвержденіе подлежащей власти, даровать имъ это право съ тѣмъ, чтобы община всякій разъ представляла кому будетъ назначено, по крайней мѣрѣ, двухъ кандидатовъ, изъ которыхъ одинъ и можетъ быть утвержденъ, если будетъ отвѣчать всѣмъ требуемымъ отъ учителя условіямъ.

и 7) Не возбраняетъ раскольникамъ экзаменоваться теперь на степень учителя и экзаменовать ихъ безъ малѣйшаго послабленія, но и безъ усиленныхъ строгостей, не требуя отъ нихъ при этомъ представленія законныхъ метрическихъ свидѣтельствъ, которыхъ у нихъ нѣтъ, потому что всѣ они значатся незаконнорожденными; а ихъ

выписки изъ книгъ моленныхъ закономъ не признаются. Совершенно достаточно ограничиваться требованіемъ письменнаго вида. Отказъ въ допущеніи раскольниковъ къ экзаменамъ на степень приходскихъ учителей или требованіе отъ нихъ документовъ, которыхъ у нихъ нѣтъ, будетъ мѣрою весьма печальною. Не говоря о томъ, что отказъ въ правѣ избранія и представленія учителей непремѣнно парализируетъ все дѣло, предоставленіе этого права мнѣ кажется и весьма справедливымъ. Какое опроверженіе можно привести противъ права родителей избирать наставниковъ своимъ дѣтямъ? Едва ли можно найти такое опроверженіе; а если и можно, то оно будетъ не естественное, вымышленное, натянутое на старый педагогическій подрамочъ. Дѣло власти, регулирующей школьную операцію, въ настоящемъ случаѣ, прямо ограничивается опредѣленіемъ средствъ представляемаго кандидата на занятіе должности, къ исполненію которой онъ назначается. Но, не говоря уже о томъ, что допущеніе раскольниковъ къ экзаменамъ будетъ очевиднымъ устраненіемъ ихъ отъ гражданскаго равноправія и новымъ поставленіемъ ихъ «въ законъ», правительству нѣтъ основанія бояться большаго количества учителей раскольниковъ. Ихъ нѣтъ въ настоящее время, а приготовить ихъ не такъ-то легко. Это очень хорошо знаютъ сами раскольничьи общины, соглашающіяся принять учителей православнаго исповѣданія, и не хуже ихъ знаю это я, сталкиваясь съ поражающимъ невѣжествомъ докъ, слывающихъ въ своихъ муравейникахъ за мудрецовъ, философовъ и звѣздочетовъ. Можно смѣло утверждать, что на первое время учителя изъ раскольниковъ, на всю массу учителей, нужныхъ для раскольничьихъ приход-

скихъ школъ, врядъ ли составятъ одинъ процентъ. Остальные девяносто девять процентовъ все будутъ или православные, или даже нѣмцы, которыхъ не прочь принять многія общины. Да и вообще одни только раскольники остзейскаго края упорно хотятъ непременно учителя изъ своихъ съ самаго начала школъ, но и они, я увѣренъ, не откажутся взять инновѣрца, если изъ ихнихъ не найдется готоваго человѣка. Объ этомъ у меня было много говорено, и, послѣ многихъ и всегда жаркихъ споровъ, дѣло оканчивалось тѣмъ, что «ну хорошо, ну нѣмца возьмемъ». И по моему, нѣмецъ, или вообще инновѣрецъ, для раскольниковъ во многихъ отношеніяхъ удобнѣе православнаго, особенно въ остзейскомъ краѣ, гдѣ нѣмцы были постоянными защитниками раскольниковъ отъ притѣсненій русскаго православія и гдѣ раскольникъ не возражаетъ нѣмцу, когда послѣдній зачастую говоритъ: «вы, вѣдь, только по насъ и цѣлы, а ваши давно бы васъ заѣли». По возвращеніи моемъ изъ Риги у меня были мои петербургскіе знакомые: едосѣвцы, поморцы и послѣдователи аристова согласія. Они всѣ согласны принять къ себѣ православнаго учителя. Я писалъ объ этомъ въ Ригу отцу Евстафію, а тотъ показалъ мое письмо Бѣляеву, и на-дняхъ я получилъ отъ Бѣяева увѣдомленіе, что и онъ непременно желаетъ имѣть для рижской школы учителя изъ людей просвѣщенныхъ. «Знаю я, пишетъ онъ, что такіе за учителя будутъ изъ нашихъ! На школы съ нашими учителями и жертвовать не стоитъ». Отецъ Евстафій, великій почитатель Бѣяева, тоже присталъ къ его мнѣнію, а мнѣніе духовнаго отца въ такомъ дѣлѣ—вещь большой важности. Отказывать же въ допущеніи раскольниковъ къ экзамену при первомъ учрежденіи школъ просто

невозможно. Это значило бы предрѣшать событія не въ пользу раскольниковьяго образованія и не въ пользу собственную, ибо если раскольникамъ открыть двери въ среднія и высшія учебныя заведенія, то, само собою разумѣется, изъ нихъ многіе получатъ ученые степени, а съ ними и права на педагогическую службу. Какъ же тогда? Не давать мѣстъ, это значить не мириться съ невѣжествомъ расколомъ, а ссориться съ расколомъ образованнымъ. Многіе, и особенно либеральные чиновники, любятъ утверждать, что «образованіе есть вѣрнѣйшее средство къ искорененію раскола». Не хочу съ этимъ спорить, тѣмъ болѣе, что не понимаю смысла всѣхъ хлопотъ, подъемлемыхъ кѣмъ бы то ни было во имя искорененія какого бы то ни было не вредящаго общественному спокойствію вѣрованія. Но полагаю, что выражаемая надежда, искоренить расколъ однимъ образованіемъ, вѣрна въ половину или, по крайней мѣрѣ, рѣшеніе ее весьма условно. Образованіе несомнѣнно уничтожитъ расколъ, *если* рядомъ съ открытіемъ раскольникамъ всѣхъ средствъ къ образованію правительство не оставитъ и слѣда какихъ бы то ни было ограниченій сектаторовъ въ гражданскомъ равноправіи со всѣми. *Но если* этого не будетъ, то лучшіе молодые люди изъ раскольниковъ не бросятъ раскола потому, что лучшіе люди никогда не бросаютъ своихъ собратій, пока этимъ собратіямъ хуже другихъ. Это старая исторія, которая однако будетъ нова до конца чело-вѣческаго рода. Уже теперь есть такіе раскольники, а съ образованіемъ ихъ будетъ еще болѣе. Слѣдовательно, какъ же тогда станетъ вопросъ? Переметчиковъ, измѣняющихъ вѣрѣ и обществу по расчету, что это выйдѣе, правительство станетъ принимать, а людей твердыхъ, предпочитающихъ дѣлать

скудныхъ права своихъ собратій, оно лишитъ и правъ, пріобрѣтенныхъ ими по образованію?... Не хочется вѣрить, чтобы это было такъ, а иначе быть не можетъ, если теперь предрѣшить вопросъ объ учителяхъ раскольничьихъ положительнымъ отказомъ. Если же этотъ отказъ выразитъ въ видѣ временной мѣры, то результатъ прямой: никто изъ раскольниковъ не станетъ приготовляться къ педагогической дѣятельности; мѣра эта не пріобрѣтетъ правительству раскольничьихъ симпатій, и опять будетъ широкое раздолье жалобамъ, не лишеннымъ большей доли основательности.

Насчетъ чисто педагогическаго устройства школъ я думаю такъ:

1) Школы устроить двухклассныя съ третьимъ приготовительнымъ отдѣленіемъ.

2) Въ приготовительномъ отдѣленіи обучать дѣтей чтенію и письму, но такому методу, какой признаетъ удобнѣйшимъ учитель. Всего лучше бы разумѣется было держаться прекраснаго метода г. Золотова, но этого невозможно назначать обязательнымъ. Можетъ быть, со временемъ учителя и найдутъ средства перейти къ золотовскому обученію, но теперь нужно ввести буквари, напечатанные точь-въ-точь съ секретнаго букваря прусской печати. Какъ ни пошлъ и тяжелъ этотъ глупый букварь, нужно покориться смѣшной необходимости и дать его, ибо раскольники видятъ въ немъ прелесть неизрѣченную и, кромѣ его или другаго секретнаго букваря польской печати (который все-таки въ меньшемъ почетѣ), по другимъ букварямъ учить дѣтей не согласатся. Тамъ всѣ эти «оксіи», «исо», «оваріи» имѣютъ для нихъ свою сласть несказанную, и никто не рѣшится лишитъ свое чадо блаженства, сокрытаго въ этой гадости.

Имѣя въ виду, что раскольники обыкновенно учатъ дѣтей лѣтъ съ семи до четырнадцатилѣтняго возраста, а весь курсъ ихъ спеціальныхъ школъ будетъ очень невеликъ, можно имъ доставить удовольствіе держаться своихъ просодій и учить годъ тому, чему по лучшему методу легко можно бы выучить въ мѣсяць, иначе, я говорю, ничего не подѣлаешь.

3) Въ 1-мъ классѣ учить: священной исторіи (ветхій завѣтъ), грамматикѣ, краткой всеобщей исторіи (древней и средней), краткой математической географіи, ариметикѣ до дробей, чистописанію и черченію. Последнее особенно важно, ибо раскольники вообще желаютъ видѣть своихъ дѣтей приготовленными къ поступленію въ науку къ строителямъ, фабрикантамъ, заводчикамъ, каменщикамъ и т. п., гдѣ черченіе очень нужно.

4) Во второмъ классѣ: священная исторія (новый завѣтъ), грамматика (окончаніе), исторія (до нашихъ временъ), краткая физическая географія, арифметика (дробь, хоть до смѣшанныхъ дробей), чистописаніе и копированіе плановъ и моделей.

5) Изъ втораго класса выпускать по экзамену съ свидѣтельствами, похвальными листами, похвальными книгами и прочими школьными наградами.

6) Обученіе священной исторіи, по избранному руководству, не возлагать ни на какое духовное лицо, а пусть ей учить тотъ же учитель. — Мудрость очень небольшая, и въ новую ересь никто не впадетъ отъ чтенія библейскихъ и евангельскихъ исторій. По крайней мѣрѣ, въ школѣ этого не случится, а за школой можетъ быть все, и отъ этого не упасешься.

7) У раскольниковъ есть въ обычаѣ учить мальчиковъ вмѣстѣ съ дѣвочками и имъ очень хочется удержать это

обыкновеніе и въ ожидаемыхъ ими новыхъ школахъ. Я лично не вижу причинъ отвергать совмѣстнаго обученія дѣтей безъ полового различія и, слѣдя за горячею полемикою педагоговъ по этому вопросу, всегда склонялся на сторону поборниковъ совмѣстнаго ученія, но думаю, что это единственный пунктъ, въ которомъ раскольникамъ можно и отказать, если нельзя устранить соображеній, по которымъ у насъ не допускаются классы общіе для мальчиковъ и дѣвочекъ. А лучше бы, кажется, и это дозволить, наблюдая только, чтобы дѣти были удобно размѣщены въ классныхъ комнатахъ.

8) При приѣмѣ дѣтей въ школу не требовать отъ ихъ родителей или родственниковъ никакихъ метрическихъ свидѣтельствъ, ибо въ общинѣ всегда происхожденіе ребенка болѣе или менѣе извѣстно и въ метрику никакой нужды нѣтъ. А между тѣмъ метрическія свидѣтельства могутъ быть большимъ препятствіемъ къ соединенію въ школахъ дѣтей, принадлежащихъ къ разнымъ согласіямъ раскола. Раскольники часто скрываютъ свои вѣрованія, а всѣ они охотно отдадутъ дѣтей своихъ въ одну школу, ибо старыя книги у всѣхъ у нихъ однѣ и тѣ же, не исключая даже катехизиса. Но какъ въ катехизисѣ уже есть нѣсколько вопросовъ, возбуждающихъ спорныя толкованія, и къ тому же «нововѣру», или нѣмцу, нельзя изъяснять «артикуловъ вѣры», составленныхъ и напечатанныхъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Іосифѣ, то я и нахожу необходимымъ вовсе исключить катехизисъ изъ программы школъ. Пусть дѣти въ школахъ *сходятся, а не расходятся*. Катехизису же они могутъ учиться дома или въ праздники у духовныхъ отцовъ, каждый по своему.

9) Въ отношеніи отчетности чисто

педагогической учителей нужно подчинить на общихъ основаніяхъ мѣстной губернской дирекціи училищъ, а въ экономической—общинѣ, удерживая, однако, за дирекцію право наблюдать, чтобы школа содержалась въ помѣщеніи здоровомъ, чистомъ и свѣтломъ, а у учителя были подъ руками всѣ нужныя по программѣ учебныя пособия.

Учебныя пособия, т. е. книги, составляютъ весьма важный и щекотливый предметъ.

Раскольники, какъ круглые невѣжды во всемъ, касающемся образованія, имѣютъ объ этомъ предметѣ самыя чудовищныя понятія. Уши вянутъ, слушая, чего имъ хочется. Букварь чтобы былъ старый, съ прусскаго, и чтобы на немъ не было напечатано ни «по благословенію синода», ни «печатано при типографіи единовѣрческой церкви»; часовникъ и псалтырь чтобы были признаны главными предметами преподаванія въ школахъ, а священной исторіи вовсе не нужно, но такъ «для баловства» можно «поучить» и ей, только «по старой книгѣ», тогда какъ никакой старой книги не существуетъ. Грамматику ввести, изданную при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, и при немъ же изданный катехизисъ («Собраніе краткія науки о артикулахъ вѣры» издана при патріархѣ Іосифѣ въ М . . . въ лѣта 7157). Наконецъ, имъ даже хочется какую-то допотопную арифметику, соединяющую въ себѣ всѣ неудобства къ обученію. Раскольники, за небольшимъ исключеніемъ, склонны вѣрить, что весь міръ только и заботится подкапывать подъ старую вѣру и повредить юныя лозы въ виноградникѣ древяногo благочестія, а невѣроятное невѣжество, при которомъ они не могутъ опредѣлить предмета ни одной науки, заставляетъ ихъ страшиться всѣхъ новыхъ книгъ и подбиваетъ домогаться

во всемъ одного стараго. Нелѣпость соображеній, высказываемыхъ ими при этихъ требованіяхъ, неописуема и удовлетворять этихъ требованій не слѣдуетъ ни подъ какимъ видомъ, ибо нельзя вводить просвѣщеніе орудіями, способствующими затемненію всякаго свѣта. Но хорошо извѣданный характеръ раскольниковъ не позволяетъ и рѣзко противудѣйствовать ихъ симпатіямъ къ своимъ безобразнымъ древностямъ. При первомъ такомъ покушеніи ихъ крючкотворные начетчики, въ существѣ гораздо большіе невѣжды, чѣмъ сама безграмотная масса, сейчасъ истолкуютъ, что «нововѣры» боятся старыхъ книгъ, ибо въ этихъ книгахъ сокрытъ кладязь премудрости, способный обличить суетумудріе нововѣровъ. А стоитъ разойтись такой болтовнѣ и дѣло пропало. Тутъ нужно дѣйствовать терпѣливо, осторожно и разсчитанно

Для школъ нужно напечатать *славянскимъ шрифтомъ*:

1. Букварь точь-въ-точь съ прусскаго букваря, не печатая на послѣдней страницѣ неизбѣжнаго благословенія святѣйшаго синода, ни напоминанія о единовѣрческой церкви.

2. Священную исторію, шрифтомъ подобнымъ рукописному уставу, съ цвѣтными буквами въ зачалахъ. Исторію напечатать съ синодальнаго изданія съ выпускомъ двухъ незначительныхъ мѣстъ, на стр. 64 и 73, или же съ заграничнаго изданія, вышедшаго въ Карлсруэ. Имя Христа вездѣ должно печатать *Исусъ*, а не *Иисусъ* и *Давида Давидъ*, и если предположено будетъ перепечатывать исторію, изданную въ Карлсруэ, то изображеніе Христа нужно выпустить, ибо рисунокъ этотъ не отвѣчаетъ требованіямъ раскола.

3. Грамматику, географію и ариметику пусть дають дѣтямъ, какія признаеть удобными учитель, но рекомен-

довать можно бы грамматику Иванова (принятую въ училищѣ правовѣднія), ариметику—изданную департаментомъ народнаго просвѣщенія, а географію—вообще употребляемую въ приходскихъ училищахъ, и обязать преподавателей учить дѣтей, примѣняясь къ этимъ учебникамъ. Если учителя будутъ знать, что учениковъ ихъ станутъ экзаменовать, придерживаясь извѣстныхъ учебниковъ, то они сами почувствуютъ необходимость не удаляться отъ этихъ учебниковъ. Но никакъ не должно стѣснять учителя на каждомъ шагу, ибо иначе положеніе его будетъ не выносимо. Расколъ свирѣпъ и мстителенъ. Рассказываютъ, что старичекъ Желтовъ былъ человекъ очень толерантный и училъ дѣтей, пробуя какъ лучше. За это, когда правительство закрыло раскольничьи школы и дряхлому учителю, пріобрѣвшему извѣстность добрѣйшаго и безкорыстнѣйшаго человека, стало нечего ѣсть, община не хотѣла его даже пустить въ богадѣльню, какъ еретика и соблазнителя. По моему не въ томъ дѣло, чтобы сразу явились прекрасныя приходскія школы, а въ томъ, чтобы были школы *сносныя*: чтобы было положено начало, которому рядомъ благоразумныхъ мѣръ можно давать надлежащее развитіе и вести его къ совершенной зрѣлости. Часовникъ и псалтырь не вносить въ программу, но дозволить обучать по нимъ *чтенію*. Докатихизиса и церковной исторіи не касаться. Предложить специалистамъ: не найдеть ли кто нибудь возможности составить грамматическое руководство во вкусѣ «грамматики роднаго языка», г. Половцова, которая такъ нравится раскольниковъ за свой шрифтъ, но не можетъ быть принята ими за одинъ примѣръ (стр. КГ «патріархъ Никонъ въ униженіи!»).

Если слѣлать такъ, какъ я думаю,

то тысячи раскольниковъ откажутся отъ школъ, найдутъ ихъ еретическими и вредными; но тьмы темъ бросятся въ нихъ и черезъ два, а много три года, увлекутъ за собою отсталыя тысячи и дѣло просвѣщенія людей, на каждомъ шагу тормозимыхъ своимъ невежествомъ, несомнѣнно пойдетъ.

Это все, что я могу сказать, стараясь по мѣрѣ силъ моихъ служить уясненію положенія учебнаго вопроса въ одной изъ многочислѣннѣйшихъ, сильнѣйшихъ, самостоятельнѣйшихъ и, смѣю думать, образованнѣйшихъ раскольничьихъ общинъ, въ предѣлахъ Русскаго Государства.

Николай Лѣсковъ.

23 сентября 1863 г.

С.-Петербургъ.